

АНАСТАСИЯ БЕГЕРУС

САДФУР

ТАЙНЫ ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА

Анастасия Бегерус Салфур: Тайны Запретного Леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68709459

SelfPub; 2022

Аннотация

Одним утром мальчик-сирота Бран Каллаган просыпается в сыром и довольно мрачном подвале, на покосившихся полках которого находит различные баночки со странными эссенциями, черепа хищных зверей и прочие атрибуты совершенно иного мира. В этом загадочном месте оказывается не он один. Четверо подростков родом из той же деревушки, что и сам Бран, стали невольными жертвами таинственного похищения. Вернутся ли герои в деревню? Смогут ли пережить многочисленные встречи со зловещими лесными обитателями: двуликой ведьмой, болотными монстрами, хищными феями и загадочным сатиром? Это зависит только от принятых ими решений и слаженных действий. Вот только один из них вовсе не разделяет желания остальных вернуться домой, направляя все свои силы на то, чтобы разгадать сокровенные тайны и мистическую сущность запретного для людей леса.

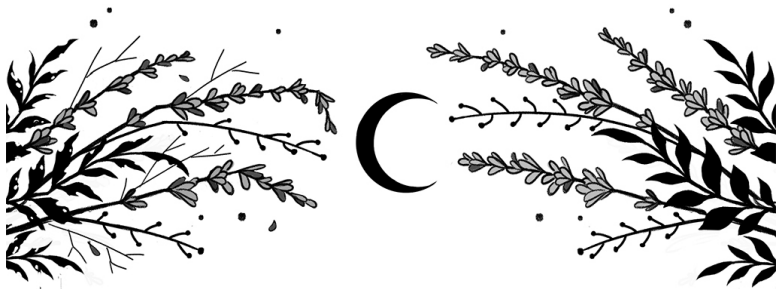
Содержание

Глава 1	4
Глава 3	28
Глава 4	58
Глава 5	77
Глава 6	102
Глава 7	118
Глава 8	149
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Анастасия Бегерус

Салфур: Тайны Запретного Леса

Глава 1

Старая телега, мерно покачиваясь из стороны в сторону, ехала по извилистой туманной дороге. С каждым поворотом ее обступали деревья, словно голодные волки свою добычу, а лесные обитатели давали о себе знать, кто шурша, кто ухая со всех сторон. Лошадь неодобрительно ржала, натываясь копытом на очередной лежащий камень или острую ветку. Извозчик нервно бил поводьями по ее полным бокам – явно

спешил покинуть это подозрительное место.

– Нам бы скорее убраться отсюда. Не по себе мне как-то, – шептал грузный возница, косясь на мрачную лесную чащу и крепко сжав в руках кожаные уздцы. – А если они и нас? Ну, того... ты понял.

– Закрой свой грязный рот, Дэр! Ты можешь просто молчать и управлять этой чертовой повозкой? – сквозь зубы процедил высокий светловолосый мужчина.

На несколько секунд воцарилось напряженное молчание, нарушаемое лишь тихим перешептыванием высоких хвойных исполинов и ночной трелью садовой камышовки. Дэр нервно ерзал на толстой ясеновой лавке. Ему казалось, что в кустах душистой жимолости спрятались сумрачные силуэты свирепых лесных зверей. Облизывая свои огромные страшные пасти, они выжидают подходящего момента, чтобы вырваться из темной чащи и напасть на путников, вгрызться им в глотки и, высосав до мяса глазницы, оставить гнить, пока дикие животные не сбегутся на запах мертвой плоти. Вся эта дурманная атмосфера пугала его больше, чем невнятные угрозы его товарища. Он решил нарушить безмолвие, царившее между ними.

– Ты не пойми меня как-то... э-э... неправильно, Курт. Я сам знаю, что это не по-людски. Жестоко. И у тебя же там это... Ну, сам понимаешь, – круглолицый толстяк будто пережевывал слова, стараясь не вызвать в своем попутчике праведного гнева, но давалось ему это с большим трудом.

– Еще одно слово и я задушу тебя прямо здесь! – выпалил Курт, хлопнув Дэрела по шапке.

Та, кружась на осеннем ветру, слетела в грязную вязкую лужицу, оставленную проливным дождем.

– Черт! Она стоила мне целую руту, – буркнул себе под нос Дэр, закусив вздутые, словно у верблюда, обветренные губы. – Нула меня убьет...

– Нула вряд ли до тебя доберется, идиот, – с мрачным видом прошептал Курт, презрительно прищурив миндалевидные глаза, – потому что твое надоедливое бормотание с большой вероятностью может привлечь местных обитателей, которым чья-то жирная тушка придется явно по вкусу.

Дэр сглотнул накопившуюся от леденящего ужаса густую слюну – его попутчик был прав. Чем глубже въезжала скрипучая телега в лесную чащу, тем более мрачным и враждебным казалось путникам окружение, тем плотнее смыкались раскидистые кроны, закрывая собой далекое мерцание тускнеющих звезд, тем туманнее становилась извилистая дорога, ведущая к дому. Казалось, призрачные силуэты нарочно окутывали ее, дабы отпугнуть непрошенных гостей.

Когда ворон в очередной раз пролетел над лысеющей головой Дэра, зловеще крича, будто стервятник над зловонным трупом, возница не выдержал и, осадил испуганную лошадь. Воз, прежде чем остановиться, со скрипом подпрыгнул.

– Что ты делаешь, черт тебя дери?! – возмутился Курт, подскочив от неожиданной остановки. – Вот доберемся до

Ардстро, люди из совета обязательно узнают о том, что ты тут вытворял, помяни мое слово.

– Давай оставим их здесь, Курт. Зачем заезжать так глубоко? – Дэр испуганно таращился в лесную темень.

– Затем, дурья твоя башка, что Брат Каллет так велел. Можешь ты за судьбу деревни побеспокоиться так, как беспокоишься за свою жалкую шкуру?

– Кто бы говорил! Ты за свою собственную до... – начал было толстяк, но товарищ внезапно отвесил ему звонкую пощечину, и на и без того красном лице остался четкий отпечаток длинной мозолистой ладони.

– Не смей о ней говорить, Дэр! Сам знаешь, все это во благо деревни, – Курт неожиданно резко смягчился и его сморщенное худое лицо вытянулось еще сильнее, приняв форму вяленого баклажана, а в водянисто-голубых глазах засияли влажные капли, будто на давно увядшем цветке заблестела утренняя роса.

Дэрел, понимая, что ляпнул лишнее, буркнул что-то неразборчивое себе под нос – кажется, это были извинения.

– Брат Каллет велел везти их в самую чашу, до ее логова, – хитро шепнул толстяк. – Но там опасно, сам понимаешь. Мы можем окочуриться еще до того, как туда приедем, так ведь? Сам подумай, задача будет провалена и все тут.

– И что ты предлагаешь? – недоверчиво ответил Курт, промокая пальцем накопившиеся в глазах слезы.

Дэрел понял, что нащупал тонкое место в жестком харак-

тере своего товарища, и заговорщицки продолжил:

– Самое главное – донести их в лес в целости и сохранности. Так мы, считай, уже сделали это. Вон то дерево видишь? Там их и оставим, – Дэр подбадривающе взглянул на Курта.

– А если Брат Каллет обо всем узнает? – не спешил разделять его идею Курт.

Дэр причмокнул влажными толстыми, как гусеницы, губами и прошептал Курту на ухо:

– А кто ему расскажет? Мы уже довольно далеко заехали, вряд ли что-то пойдет не по плану.

Курт почесал щетинистый подбородок, огляделся по сторонам, дабы убедиться в недоброжелательности окружения, затем перевел взгляд на Дэра, который готов был выпрыгнуть из собственных, не по размеру сшитых, штанов, лишь бы его товарищ согласился на опасную авантюру, и недовольно ответил:

– Да, чтоб тебя, я согласен. Но если хоть одна живая душа узнает об этом, ты передашь привет этим детям в лучшем мире.

Дэрел улыбнулся. Телега накренилась набок, издав жалобный скрип, когда он соскакивал с нее. Затем снова подпрыгнула, освобождаясь от тяжелого груза – поднявшись, Курт последовал примеру товарища. Морось, словно стая диких комаров, летела в лица путникам, застилая их и без того неясные взоры, но на удивление острый слух подхватывал малейший шорох и скрип осиновых ветвей и пушистых бруснич-

ных кустарников, отчего по телу пробежала стая вмиг оживших колких мурашек.

Мужчины спешно подбежали к задку повозки, небрежно отмахиваясь от мелких, струящихся по морщинистым лицам, капель. В телеге бок о бок недвижимо восседали пять неясных фигур. У всех за спинами были связаны руки, каждому в рот был воткнут самодельный кляп, наскоро сделанный из старого тряпья.

– Думаю, нужно зажечь факел, слишком темно, – сказал Дэр, шурясь в ночном непроглядном мраке.

– Факел? Может, сразу разожжем костер? Ты точно хочешь нас угробить, идиот! Но, видит бог, я не дам тебе этого сделать, – Курт похлопал одного из сидящих по лицу и легонько кивнул в подтверждение своих мыслей: – Все еще без сознания, можно разгружать.

– Я возьму того низкого парнишку, если ты не против. Думаю, он, ну знаешь, полегче будет.

– Да бери ты кого хочешь, в самом деле! Только давай уже закончим с этим и отправимся обратно в Ардстро, – сказал Курт, взглянув на Дэра испепеляющим взглядом.

Если бы они не спешили, он давно поколотил бы надоедливую прохиндею, но Курту, к его огромному сожалению, приходилось терпеть постоянное нытье и заносчивость своего товарища по несчастью.

Мужчины взвалили на плечи ватные детские тела и зашагали в сторону крепкого ствола секвойи. Сделав еще пару хо-

док и прислонив все тела спинами к высокому пышному дереву, они туго связали их руки жесткой канатной веревкой. Затем Курт нагнулся над одной из фигур – это была белокурая девочка лет пятнадцати. Даже в лесном сумраке оставались легко различимыми ее большие нежно-розовые веки и длинные темно-каштановые ресницы. Девочка была абсолютно обворожительна. Еще по-детски невинна, но уже в полной мере женственна. Алые, словно гранаты, щеки обдувал порывистый ветер, отчего они розовели пуще прежнего. Курт, кряхтя и вздыхая себе под нос, кое-как уселся на сырую, омытую противным нескончаемым дождем, землю. Затем аккуратно взял бесчувственную девичью ручку в свои морщинистые шершавые ладони и наскоро прошептал молитву.

– Духи этого забытого Нанной места, я приближаюсь к вашему жилищу со смиренным почтением и жажду мира. Будьте же снисходительны к нашим скромным дарам. Примите жертвенные оболочки наших отпрысков и насладитесь их безвинными душами. Пусть невинная кровь смывает позорные распри и укрепит нашу добрую связь. Будьте вы благословенны и благословите же нашу землю и благословите же наш народ.

Дэр понимающе склонил круглую, как миндальная тыква, голову, будто осознавал значение необычной литургии и вторил ей. На самом же деле, пока Курт читал отходную, толстяк думал лишь о том, какой тропой, скорее всего, предстоит им

убраться из лесной глуши и как скоро он сможет отведать фирменной похлебки Нулы из красной чечевицы и сладкого перца.

Курт спешно поцеловал белокурую девочку в маленький лобик, приподнялся с пропитанной влагой земли и, отряхнув заляпанные глиной и слякотней холщовые штаны, бесцветно произнес:

– Пора.

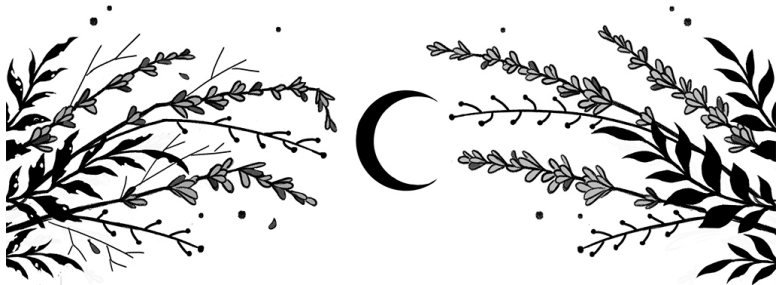
– Ты точно... ну... не хочешь ничего больше сказать? – спросил Дэр, стараясь изобразить на своем рябом лице смесь скорби и печали, пока его товарищ усаживался на телегу.

– Нет. Я уже попрощался с малышкой перед тем, как она уснула. Теперь хочу поскорее отсюда убраться, – угрюмое лицо Курта снова приняло беспристрастное выражение, а глубокие морщины, залегшие под глазами, слегка разгладились.

Дэр, подобно верной собаке, последовал за ним. Через несколько минут лошадь заржала и тронулась в путь. Телега растворилась в густом, как сметана, тумане.

Глава

2

– Эй, ты! Слышишь меня? Просыпайся! – в мрачные сны Брана сквозь тонкую паутину прорвался нежный, слегка надломленный голос.

– Ниса, я думаю, ты зря стараешься, – сказал еще один незнакомец. – Он, поди, уже ласты склеил. Мы на холодной земле пару часов точно просидели. У меня до сих пор зуб на зуб не попадает.

– Не говори глупостей, Фиц! Он всего лишь спит.

Бран почувствовал прикосновение маленькой теплой ручки, отчего по его продрогшему телу пробежала стая мурашек. «Нельзя открывать глаза, вдруг видение исчезнет», – подумал он и как следует зажмурился.

– Я же говорила, у него руки теплые. Значит, живой, – заключила незнакомка и аккуратно придвинулась к лицу Брана.

Он явственно почувствовал легкое дыхание на своем слегка покрасневшем то ли от холода, то ли от близости девочки,

лице. Такое воздушное, как облако на лазурном небе. Абсолютно невесомое, точно ветерок на цветущем пастбище. И пахло от нее не так как от других, знакомых Брану людей, а совершенно иначе. Сливочно-медовой мякотью спелой дыни, холодной сладостью лаванды и чем-то очень странным, не сочетающимся с таким нежным образом. Это была горечь, выделяющаяся из надломленного пополам пучка полевой мяты. Пока Бран витал в собственных мыслях, рассуждая о том, как выглядит человек, носивший на своем теле этот чудесный аромат, не заметил, как голоса стихли. «Ну вот, чудесный сон исчез, а вместе с ним и незнакомка. Сейчас я снова очнусь в своей одинокой сырой берлоге», – подумал Бран и неохотно приоткрыл свои светло-серые глаза.

– Вставай! – крик будто обухом оглушил мальчика.

Казалось, внутри слухового прохода все сжалось до размера маленького бобового зернышка, а вместо привычных звуков он слышал лишь мерзкий назойливый писк. Бран схватился за голову от ужасной боли, остро стрельнувшей прямо в висок. Затем, немного погодя, перевел взгляд наверх, к источнику разноголосого шепота. Перед ним, скрестив тонкие руки на груди, стояла белокурая девочка. Ее непокорные волосы мягкими волнами спадали на узкие розовые плечи, слегка пухлые чувственные губы скривились в недовольной гримасе, а большие глаза цвета лесной травы глядели прямо на съездившегося от крика Брана.

– Так и знала, что ты в сознании. И зачем притворялся? –

сказала она, неодобрительно постукивая изящной ножкой в туфельке по сырому каменному полу. – Ты в порядке?

– Вроде как, – юноша потер макушку, затем поспешил осмотреться.

Окружение было весьма странным – с дубовых заплесневелых досок на него глядели причудливые украшения в виде насаженной на проволоку, искрящейся на слабом свете рыбной чешуи, высоких камышовых колосьев, скрученных в одну охалку и перевязанных бечевкой, лесного оленьего мха и засушенных лягушачьих голов, лапок и глазниц разного вида и цвета. На отсыревших кривых полках стояли банки с загадочным янтарным содержимым, чем-то напоминавшим мед или густой кленовый сироп. Из маленького окошка в тесную комнатку просачивались тонкие лучики утреннего октябрьского солнца, заставляющие немного прищуриваться.

«Это явно не моя лачуга в Ардстро. Как я здесь вообще оказался?» – подумал юноша, вскоре заметив, как над ним сужается круг из лиц. Незнакомцы внимательно смотрели на него, выжидая бурной реакции, которой, к их огорчению, не последовало.

– Да ты у нас крепкий орешек, как я посмотрю, – фыркнул низкий коренастый парень, недовольно отведя голову.

– Не то что ты, Фиц. Как очнулся, так сразу штаны обмочил, – хохотнул самый высокий из знакомцев и с одобрительной улыбкой взглянул на Брана. – Давай руку, помогу встать.

Юноша молча подал ладонь и, лишь поднявшись с пола, смог внимательнее рассмотреть каждого из присутствующих в тесной комнате.

«Зеленоглазая стройная красавица – это, получается, Ниса, – подумал Бран, вновь вспыхнув, произнося про себя имя хорошенькой девочки. – А тот мрачный светловолосый тип – это, значит, Фиц. Удивительно, они похожи как брат и сестра. А кто вот эти двое?» – он перевел взгляд на незнакомца, подавшего ему руку.

Парень был довольно высок и хорошо сложен. Несколько густых темно-русых прядей выбились из хвоста, собранного и завязанного в узел на затылке, и неряшливо спадали на ярко выраженный лоб и четко очерченные скулы. Кофейного цвета кожа на крепкой шее и крупных ладонях – словно высушенные плоды китайского финика, а в карих глазах читался неподдельный интерес ко всему происходящему. Он определенно выглядел немного старше остальных детей. Бран невольно подумал о том, что парень кажется ему знакомым, возможно, он встречал его на одной из деревенских ярмарок в Ардстро.

За ним, недоверчиво косясь на Брана, пряталась невысокая девочка с ярко-рыжими, будто шерсть у лисицы, волосами и россыпью маленьких веснушек на миловидном лице. Ростом она была не больше пяти футов. Ее юное тело было слегка полноватым, с покатыми, чуть выглядывающими из рукавов-фонариков плечами и пухлыми короткими ножка-

ми, отчего девочка вовсе становилась похожей на румяный круглый персик. Ее тонкое льняное платьице изящной выделки, пестрящее искусной вышивкой, и оголенные колени были вымазаны липкой коричнево-серой грязью и соком влажной лесной травы.

«Наверное, стоит узнать их имена», – подумал Бран. Но, прежде чем он успел что-либо сказать, высокий, крепко сложенный парень шустро произнес:

– А как тебя зовут-то?

– Бран, – полусшепотом ответил мальчик, немного сбитый с толку отнятой у него инициативой.

– Интересное имечко у тебя. Кажется, даже знакомое, – сказал парень и задумчиво потер узкий подбородок.

– Не думаю, что мы раньше встречались, – выпалил Бран, поспешив перевести тему разговора.

– Наверное, ты прав, – ответил незнакомец, и легкая доброжелательная улыбка тронула его благородное лицо. – Мое имя Девин Линч, а это Ниса, Фиц и Арин. Мы все, кажется, влипли в кое-какие неприятности.

Несмотря на довольно странную ситуацию, в коей невольно оказались все присутствующие в комнате, Девин старался сохранять бодрый настрой и стремился спрятать страх, поселившийся у него в груди, за маской этакого весельчака. Благодаря природному жизнелюбию, у него это неплохо выходило.

– Неприятности? Да мы закрыты в этом жутком погребу!

И нас, вероятнее всего, в ближайшее время убьют, а потом съедят, а потом... – шептала рыжеволосая Арин, подрагивая всем телом. – Мне мама рассказывала, что в лесу живут дикие людоеды, которые сдирают кожу с заблудившихся путников. Это они утащили в свое логово моего отца.

– Твоя мать всего-навсего деревенская сумасшедшая, – прошипел Фиц, оценивающе взглянув на Арин. – Вся деревня давным-давно знает, что твой отец был пьянчужой. После очередной порции дешевого джина забрел в лес и утонул в зыбучем болоте.

В светло-карих глазах Арин заблестели слезы, она опустила голову и, зашмыгав маленьким веснушчатым носом, прижалась к воротнику Нисы.

Все с укором смотрели на Фица, но никто не смел оспаривать его слова. Он говорил правду. Все считали Мойру Куин, маму Арин, сумасшедшей. Женщина искренне верила в то, что в лесу живут тролли, феи, ведьмы и русалки и рассказывала о своих фантазиях каждому жителю деревни, стучась в закрытые двери и оставляя на порогах домов самостоятельно смастеренные листы с посланиями о неминуемом вторжении в деревню лесных чудовищ. Люди поговаривали, что это смерть мужа довела ее до такого умопомрачения.

Ниса неодобрительно покачала головой, глядя на ехидно улыбающегося Фица. В ее взгляде читалось нескрываемое презрение.

– Да что я такого сказал? Это ведь всем известно, – отшу-

тился Фиц, дотронувшись рукой до своих приглаженных по пробору пшеничных волос.

Ниса нарочно проигнорировала его слова, с серьезным видом обратившись к остальным присутствующим:

– Нам нужно сохранять спокойствие. Скорее всего, родители уже сообщили всем о нашей пропаже. И они с минуты на минуту будут здесь.

– Мы уже часа два сидим в этом подвале, Ниса. А спали, наверное, и того дольше. Вот и посуди сама: они обшарили лес, не нашли нас и решили, что мы стали закуской для диких зверей, – рассуждал Фиц, с умным видом проходя от стеллажа к стеллажу. – Как пить дать, по нам уже в деревне поминки справляют.

– Ты просто невыносим, Фицджеральд! Я уже видеть тебя не могу! – закричала девочка, угрожающе сжав свои крохотные розовые кулачки. – Надеюсь, дикие людоеды съедят тебя в первую очередь!

– Я передам мистеру и миссис Суини твои последние слова, – усмехнулся юноша, обнажив ряд белых крохотных зубов. Сейчас он больше походил на маленького злобного хорька, чем на человека.

Бран молча наблюдал за происходящей перепалкой. Его совсем не волновали взаимоотношения новых знакомых. Да и сами подростки были ему не особо интересны. Он всегда отличался от эмоциональных, со страстной жадой к жизни ровесников. Будучи сиротой, Брану не у кого было учиться

искусству общения и, как ему казалось, он не умел испытывать чувства в полной мере, подобно другим. Потому единственным, что заставляло сердце Брана учащенно биться, а мысли – хаотично вращаться в голове, словно рыбки в озерной воде, был интерес к загадочным явлениям, редко происходящим в его безынтeресной жизни, к свойствам каждого загадочного существа и предмета, находившегося в его поле зрения. Место, в котором он оказался, было, как нельзя кстати, подходящим для досконального изучения. Он молча подошел к полусгнившей деревянной двери и попытался толкнуть ее, навалившись всем телом. В ответ она лишь жалобно скрипнула, но не поддалась.

– Тоже мне, нашелся умник, – заговорил Фиц, зло взглянув на Брана своими водянисто-голубыми глазами, обрамленными тонкой полоской светлых ресниц. – Думаешь, мы не пытались открыть ее?

– Он хоть что-то делает, в отличие от некоторых, – вмешалась Ниса и, посмотрев на Брана, аккуратно произнесла: – Нужна помощь?

Бран лишь слегка покачал головой и продолжил изучать помещение, не обращая внимания на колкие насмешки Фица, как яд с острых клыков тайпана.

Он нашел погреб весьма занятным. В странного вида шкафах на кривых деревянных дощечках находились загадочные краеугольные камни, длинные пестрые перья диковинных птиц, крошечные тельца высушенных пауков и омер-

зительные звериные скальпы, снятые с крыс, лисиц и даже волков. В стеклянных банках, пылящихся на старых полках, оказался далеко не пчелиный мед, а весьма интересные выжимки из различных трав и цветов. К каждому стеклянному доньшку была приклеена желтая, как осенний лист, бумажка с названием и свойством жидкости, находившейся внутри.

Бран с детства увлекался травничеством, знал полезные свойства каждого растения, найденного им в Ардстро, но не думал, что из них можно изготавливать подобного рода концентраты и эссенции. «Интересно, а они действительно работают?» – думал он, разглядывая очередную надпись на старинном кусочке иссушенной временем бумаги.

На покосившемся стеллаже, заваленном жестянками, колбами и перетертыми в труху птичьими косточками, Бран увидел крошечный сосуд с необычным синим содержимым. Свойства этого вязкого на вид вещества на бумажке указаны не были, лишь короткая надпись, наполовину стертая временем и сыростью этого мрачного места гласила: «Не о...ать. Ра..да..т!». Бран покрутил колбу в руках. Жидкость внутри растеклась, а затем медленно соскользнула с тонких стеклянных стенок, образовав небольшую волну. Маленькие пузырьки лопались, бурлили и кружились, как в водовороте, оставляя мутную молочную пену. Мальчик поднес сосуд к носу, но тот был слишком плотно закупорен пробкой, а потому запах не выходил наружу. К тому же подвальная вонь

была слишком сильной, чтобы почувствовать тонкие струйки аромата, выходявшие из маленьких отверстий. «Нужно открыть ее и по запаху постараться понять состав. Вдруг это что-то действительно полезное», – подумал Бран и уже хотел было потянуть за пробку, как вдруг из ниоткуда возникли внимательные зеленые глаза.

– Эй, чем ты тут занимаешься? – спросила Ниса, откинув с лица светлую, словно пух одуванчика, прядь волос. – Ищешь оружие?

– Нет, – тихо ответил Бран, спрятав в карман крошечную колбу. – Просто осматриваюсь.

– Это ты зря, – сказала девочка и, раскрыв ладонь, сжатую в кулак, показала Брану кусочек острого разбитого стекла. – Если и умру, то оставлю одному из мерзких похитителей напоминание о себе в виде глубокого шрама или раны. Я пока не решила, куда именно буду бить, – она задумчиво закусила губу.

– Думаю, лучше метить в шею. Там сонная артерия, блуждающий нерв и все такое, – неуверенно сказал Бран.

Ниса удивленно подняла светлые, почти прозрачные, брови.

– Откуда ты об этом знаешь?

Бран немного замялся, размышляя о том, кому вообще нужны рассказы о нем и его скучных интересах. Но спустя несколько секунд безмолвных рассуждений все же ответил.

– Я хотел стать врачом, когда вырасту, поэтому в свобод-

ное время посещал лазарет доктора Рэя, что за кузницей. У него довольно много книг на тему медицины.

– Ух ты! Это же здорово! – ответила Ниса и на ее ярких губах заиграла одобрительная улыбка. – Значит, нам обязательно нужно выбраться отсюда, чтобы осуществить свои мечты, верно? – она посмотрела на мальчика так, словно ждала от него поддержки и некоего подспорья.

Но Бран, как ему казалось, не умел подбирать в подобных ситуациях правильные выражения. Он нервно теребил свои ободранные короткие ногти с вязкой грязью под ними и мысленно обдумывал манеру поведения, которая могла бы положительно сказаться на их с Нисой непродолжительном общении, но на ум совершенно ничего не приходило.

– Эй, чего вы там шушукаетесь? – из-за стеллажа, до отвала набитого банками с загадочными эссенциями, выкрикнул Девин – в крепких, с большими растопыренными пальцами, ладонях он сжимал что-то похожее на кусок вяленого белого мяса. – Посмотрите лучше, что я добыл, – он вытянул руку так, чтобы все могли разглядеть найденный им трофей, – это, кажись, цыпленок или типа того.

С несъедобной на вид тушки стекал странный бурый сок, а в складках мышц виднелась светло-синяя паутинка кровяных прожилок.

– Думаю, этого куска хватит на всех. Налетай! – воскликнул Девин, тряся находкой.

Однако, к его изумлению, ребята остались молча стоять в

стороне. Никто не захотел разделить с ним трапезу.

– Похоже, ты умрешь самой глупой смертью, крепыш, – фыркнул Фиц, презрительно посмотрев на Девина. – Но останавливать тебя я не буду. Все-таки вмешиваться в естественный отбор – это большой грех, – на его смазливом лице появилась гадкая ухмылка, он был доволен своими неуместными шуточками.

Девин недоуменно почесал за ухом, явно не понимая саркастических высказываний Фица.

– Ну, как хотите. Мне больше достанется, – неуверенно сказал он.

– Слушай, я бы на твоём месте не стала это есть, – спокойно сказала Ниса, взглянув на крепкого парня. – Вдруг оно ядовитое... К тому же ты не знаешь, чье это мясо, – девочка с отвращением взглянула на уродливый огрызок в руках Девина и слегка поморщилась: – Где ты его вообще нашел?

– Там же, где ты нашла этот бесполезный кусок стекла, – ответил парень, откусывая черствый кусочек от странной тушки. – М-м-м, а это не так плохо, как выглядит, но делиться с вами я не намерен, так что вам остается наслаждаться моим довольным сытым видом.

– Теперь тобой побрезгуют даже тролли и людоеды, про которых говорит дочка умалишенной женщины, – съязвил Фиц, похлопав товарища по плечу.

Девин уже открыл рот, чтобы ответить светловолосому задире, но трухлявая грузная дверь тихонько скрипнула, и все

взгляды сразу же устремились на входящего в помещение. Рыжеволосая Арин резко вскрикнула, Ниса крепче сжала в руке осколок, а Девин, державший в руках обглоданный кусок на вид несъедобного мяса, тут же выронил его на холодный каменный пол. За дверным скрипом сразу же последовал звук легких шагов, словно входивший не ступал ногами на пол, а скользил над ним. Лицо загадочного незнакомца было покрыто плотной темно-синей мантией, а в руках он держал плетеную корзину из ивовых прутьев, наполненную до краев крупными темно-красными, зелеными и ярко-желтыми плодами.

– Простите, что заставила вас так долго ждать, – сказала незнакомка слегка хриловатым голосом и, стянув с головы нависающий на глаза капюшон, доброжелательно улыбнулась. – Я Ава, хозяйка этого дома.

Взорам детей открылась молодая розовощекая девушка. Длинные пряди ее светло-зеленых волос тонкими струями спадали на перламутровую, точно речной жемчуг, кожу, а лиловые, словно спелые сливы, глаза с неподдельным интересом осматривали всех присутствующих в сыром помещении.

Ниса спешно спрятала острое стекло в карман пышного светло-голубого платья и с опаской обратилась к страннице:

– Так это вы нас похитили?

Девушка странно хихикнула, прижав к алым губам ладонь. На ее малиновых щеках появились очаровательные

глубокие ямочки. Происходящее явно веселило ее.

Тонкие брови Нисы взмыли вверх, и она, не сдержав накопившегося в груди страха, воскликнула:

– Совсем не понимаю, что здесь смешного?!

– Ниса, замолчи, – шепотом сказал Фиц.

Сейчас он уже не казался таким отважным малым, скорее, наоборот. Юноша трусливо жался к подвальной стене, выложенной тесаным камнем. За крупной спиной Девина его практически невозможно было обнаружить.

– Похитила? Я вас спасла, можно сказать, – в сиреневых глазах незнакомки заплясали насмешливые искорки, и она, не скрывая возмущения, надула губы.

Бран не мог понять, шутит она или говорит серьезно, потому, подобно Нисе, с опаской взирал на загадочную незнакомку.

– Сегодня ранним утром я прогуливалась в поисках расцветных камелий для одного из моих лечебных отваров и посреди лесной чащи обнаружила вас, привязанных к стволу старинной секвойи, – ее рука скользнула по одному из запылившихся деревянных стеллажей. – Кстати, камелий я так и не нашла, – со вздохом добавила она.

В воздухе повисло неловкое молчание. Даже хрупкая Ниса, рвущаяся в бой, немного помрачнела, но с ее уст, словно стая диких пчел, продолжали слетать щекотливые вопросы.

– Зачем кому-то оставлять нас в лесу? И зачем спасителю запирать детей в этом мрачном подвале?

– Я не знаю, кто и зачем пожелал насытить лес детскими душами, – пожала плечами Ава, продолжая беззаботно парировать любой вопрос осмелевшей девочки. – А оставила вас здесь, чтобы во время моего отсутствия вы не вздумали выбежать в кишачий голодными животными лес. Тогда все мои старания были бы напрасны, верно?

– Прошу, не ешьте нас, – взмолилась Арин, трусливо прижавшись к рукаву светлого платья Нисы. – Мы совсем невкусные.

– Девочка, если бы я пожелала съесть вас, то наверняка сделала бы это, пока вы были под действием лозы морока, – Ава усмехнулась и непринужденным жестом руки указала на открытую настежь деревянную дверь. – А сейчас лучше давайте отведаем чаю из свежих тополиных почек. Вы наверняка голодны.

Ниса сделала неуверенный шаг к выходу, за ней последовали остальные пленники, но зеленоволосая девушка стала напротив, преградив ей путь.

– Только перед этим попрошу вас оставить то, что вы нашли в моем убежище. Я не приветствую воровства.

Ниса нервно сглотнула накопившуюся от леденящего ужаса слюну и, запинаясь на каждом слове, сказала:

– Мы ничего не брали у вас, мисс.

На выразительном лице Авы появился хитрый, словно у дикой кошки, прищур.

– Я знаю каждый сантиметр этого подвального помеще-

ния, каждую паутинку на отсыревших полках с отварами, снадобьями и ингредиентами, расположение каждой травинки и косточки в моих коробках. Неужели ты, малышка, думаешь меня обмануть?

Бран инстинктивно потянулся к странной колбе, которую спрятал в карман своих старых льняных штанов. «Значит, и про эссенцию, взятую мной, она тоже должна знать», – подумал он и уже был готов вернуть девушке украденное.

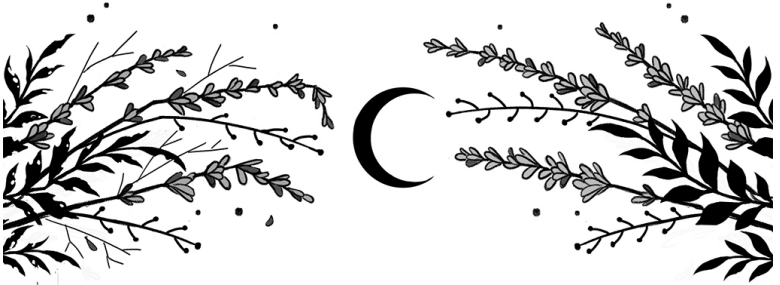
– Не вздумай врать мне, милая! – Ава потянулась к уху девочки и прошептала: – Кажется, у тебя в кармане все-таки завалялась кое-какая опасная вещичка.

На испуганном лице Нисы заплясали багровые пятна, и она неохотно достала из-под платья блестящий острый осколок стекла.

– Так-то лучше, – сказала странница и отступила, чтобы подростки могли выйти из затхлого помещения. – Теперь пройдем к столу.

Бран старался скрыть свое удивление, про себя отметив, что Ава не так уж и внимательна к своим вещам, раз не смогла вспомнить про экстракт, медленно плескавшийся в тонком стеклянном сосуде, спрятанном в его кармане.

Глава 3

Интерьер кухни в маленьком домике Авы кардинально отличался от обстановки старого сырого подвала, в котором очнулся Бран. Из резного двустворчатого окна в комнату тонкой струйкой лились розово-золотые лучи осеннего солнца, покрывая туманной пеленой малахитового цвета шкафчики со специями, засушенным лавровым листом и луговым шалфеем. На полках теснились толстые старинные книжные тома с причудливыми шелковыми закладками. Столешницу большого букового стола, покрытую тонким слоем лака, украшал изящный чугунный подсвечник с наполовину оплавившимися восковыми свечами. На полу в орехового цвета глиняных горшках расположились удивительной красоты растения: папоротники, сибирская лиственница, душистые

фиалки и молочные птицемлечники. Здесь не было птичьих голов, перьев, плохо пахнущих баночек и косточек. Помещение выглядело очень опрятным, воздух в нем был удивительно чистым.

Хозяйка, как и обещала, заварила чай из тополиных почек и на длинный стол высыпала из плетеной корзины спелые крупные плоды, собранные ею в саду.

– Угощайтесь, – сказала Ава, присев на колченогий стул. – Я же слышу, как урчат ваши животы.

Это было сущей правдой, дети были так голодны, что при виде фруктов во рту собрались вязкие слюни. Только Девин сидел в сторонке и корчился от нарастающей боли, прижимая руки к животу.

– Голова кругом, – протянул парень, взглянув на исходящий от чая пар. – Кажется, то мясо в вашем погребе было совсем несвежим.

– Мясо? – удивленно спросила Ава, задумчиво прижав палец к губам. – Я не ем мяса, мальчик. Разве что ты съел крысиную заготовку для одного из моих отваров.

Подростки в изумлении взглянули на хозяйку загадочного дома, расположенного посреди лесной глуши.

– Крысиную? Боже! – выпалила Ниса, спешно подбежав к Девину.

Тот лишь слегка мотнул головой перед тем, как его стошнило. Липкая зеленовато-коричневая лужица растеклась по деревянному полу, оставляя запах серы с примесью тухлых

помидоров.

– О Королева! Ты же мне весь пол испортил, а он, между прочим, из редкой хвойной породы, – сказала Ава, сделала несколько быстрых шагов к одному из малахитовых шкафчиков и достала оттуда маленькую колбочку с бледным содержимым, торопливо протянув ее парню. – Держи, это должно помочь.

Ниса недоверчиво покосилась на сосуд. Она подозрительно относилась к Аве и ее помощи, но перед тем, как девочка успела что-либо сказать, Девин выхватил из рук Авы эссенцию и залпом выпил ее.

– Ты жалок, крепыш, – фыркнул Фиц, поднеся к тонким губам глиняную кружку с горячим чаем. – Что вы так с ним возитесь? Опорожнит желудок, да и все тут. Зато будет ему наука.

Девин с силой вдохнул в легкие воздух, а после взглянул на Аву.

– Мисс, вы моя спасительница. Как я могу вас отблагодарить?

Девушка хохотнула, и взгляд ее лиловых глаз скользнул по вязкой лужице, растекшейся по полу.

– Что ж, можешь убрать за собой. Тряпки лежат в том углу.

Ребята хором рассмеялись – все, кроме Нисы. У нее до сих пор сохранялось недоверчивое отношение к новой знакомой. После непродолжительной уборки подростки вместе с хозяйкой дома уселись за буковый, покрытый сочными пло-

дами, стол.

– Прошу прощения, мисс, – подал голос Бран. – Когда мы были в том жутком погребе, вы вскользь упомянули о некоей лозе морока и рассветных камелиях. Я бы хотел узнать, что это за растения?

Ава улыбнулась так, будто ждала этого вопроса и давно подготовила на него ответ.

– Почему тебя это интересует, мальчик мой?

Бран нервно заерзал на стуле – пристальный взгляд Авы приводил его в смущение. В целом внимание к его персоне было для него довольно непривычным.

– Я немного увлекаюсь травничеством и о подобных культурах никогда не слышал...

– Очень интересно, – сказала Ава, сложив руки на длинном буковом столе. – Тогда нам с тобой явно есть что обсудить.

Девушка лукаво посмотрела на каждого из гостей, явно что-то задумав.

– Ребятки, у меня во дворе есть кое-какие интересные плодоносные деревья и грядка с вкусными овощами, можете собрать столько плодов, сколько вам нужно.

Подростки радостно повскакивали с деревянных, немного шатких стульев и живо побежали во двор. Только Ниса осталась неподвижно сидеть на своем месте, подозрительно осматривая Аву. Она недовольно поморщилась, понимая, что у хозяйки на уме, и совсем не хотела следовать ее замыс-

лам.

– Думаю, нам достаточно пищи на сегодня, – сказала Ниса, исподлобья глядя в яркие лиловые глаза, лукаво осматривающие Брана. – Я бы хотела выяснить у вас, как мы вообще оказались здесь и что это за место такое.

– Малышка, я отвечу на твои вопросы, но ты окажешь мне услугу и оставишь нас, чтобы мы смогли поговорить о скучных для простого обывателя травнических делах.

Нисе явно не нравилось это предложение, но выбора де-вушка ей не оставляла.

– Хорошо, – тихо ответила она, уткнувшись взглядом в темную жижу в стакане с всплывающими на поверхность бурыми тополиными почками.

– Что ж, – неспешно начала Ава, – я предполагаю, что в чащу запретного леса привезли вас люди из Ардстро.

– Невозможно! – выкрикнула Ниса, ударив маленькими кулачками по деревянному столу, отчего тот издал жалобный тихий скрип. – По законам нашей деревни людям запрещено посещать лес, тем более детям.

Ава хитро прищурилась, изучая Нису взглядом своих плутоватых, как у дикой кошки, лиловых глаз.

– Прошу прощения, но это так. Я пока что не понимаю, для чего именно они это сделали, но факт остается фактом. Ни одно из существ запретного леса не пересекало грань, это я с уверенностью могу сказать.

– Существ? – подал голос Бран, убрав с лица отросшую

черную прядь волос. – Разве лес не считается запретным лишь потому, что в нем обитают хищные звери?

Ава стала медленно раскачиваться на своем маленьком стуле, перебирая пальцами тонкие плетеные браслеты из дубленого черпака. Затем отвела взгляд, будто вовсе не услышала вопроса.

– И кто такая Королева, о которой вы упоминали? – продолжал настаивать юноша, буравя взглядом новую знакомую.

– Хватит на сегодня вопросов, – резко ответила Ава, отчето ее голос стал еще более сдавленным и хрипотца в нем уже не казалась чарующей, скорее, наоборот, напоминала старческую сиплость. – Раз уж мы договорились, – она зажала тонкие браслеты между пальцами так, что те скрутились в плетеный рогалик, – теперь малышка должна помочь остальным детям в саду.

Ниса встала, отряхнула подол своего пышного платья и молча пошла в сторону входной двери. Брану на секунду показалось, что девочка словно кукла подчинилась приказу Авы. Обычно чувственное лицо Нисы не выражало сейчас никаких эмоций, а в больших ярко-зеленых глазах потухла привычная маленькая искорка. Бран не успел как следует поразмышлять над этим, так как загадочная хозяйка сразу обратилась к нему, будто Ниса для нее уже не существовала.

– Так-то лучше, не правда ли? – улыбнулась Ава, отхлебнув из глиняной кружки уже порядком остывший чай. – Напомни, милый, на чем мы остановились?

– На рассветных камелиях, – неуверенно ответил Бран, провожая взглядом выходящую из кухни Нису, – и на лозе морока, кажется, – растерянно добавил он.

– Ах да, лоза морока, – усмехнулась Ава, продолжая неторопливо тянуть свой напиток. – Вы были под действием этого растения. Только вот, как мне кажется, этот метод совсем безыскусен, я бы сказала, зауряден, – девушка изобразила скучающий вид, отчего стала похожей на недовольную рысь. —Я бы использовала что-то более занятное. Например, шипы ползучей магонии или корень дикой ядовитой белладонны. В корректных пропорциях, разумеется, – Ава поднялась из-за стола и, цокая каблучками бордовых, словно маковые бутоны, туфельек прошла в сторону Брана. – А что ты придумал бы, мой мальчик? – она опустила кисти рук с длинными тонкими запястьями на хрупкие плечи Брана, отчего по телу юноши пробежала стая колких мурашек.

– Я не разбираюсь в травах так хорошо, как вы, мисс, и никогда прежде не делал из растений эссенции, – заикаясь протараторил Бран. – Но, думаю, корень розового жасмина более всего подходит для длительного погружения в забытье и с его дозировкой вряд ли можно переборщить.

– Очень интересно, – шепотом произнесла Ава, прикрыв бледно-розовые веки. – А если нужно, к примеру, кого-то обездвижить, но оставить в ясном сознании, что ты будешь использовать?

– Предположу, что в этой ситуации можно применить

цветки ремерии отогнутой. Алкалоиды, содержащиеся в ее соке, могут в этом помочь, – ответил Бран, слегка съжившись под натиском девушки.

– Для обычного деревенского мальчишки у тебя довольно обширные познания в травничестве. Я задам тебе последний вопрос. Если ты удивишь меня, я расскажу тебе о рассветных камелиях, – сказала Ава, взяв Брана длинными пальцами за подбородок, отчего тот в смущении отвел взгляд. – У тебя такие чудные глаза, я бы сказала, совсем бесцветные. Часто говорят, что они – зеркало души и по ним можно многое сказать о хозяине, – она пристально вглядывалась в черты лица Брана, будто изучала его под микроскопом. – В твоём случае они словно отражают смотрящего, как обыкновенное зеркало. Это довольно интересно.

Девушка подметила верно. Внешность Брана была абсолютно, как она выразилась, бесцветной, совсем непримечательной: светлая кожа с голубоватым отливом, волосы цвета вороного крыла и серо-голубые водянистые глаза. Юношу невозможно было отличить в толпе, и его это, к слову, совсем не тревожило. Более того, он удачно этим пользовался, воруя у деревенских торговцев свежее испеченный хлеб, переспелые тыквы, мускатные орехи и незрелые зеленые кабачки. Все в Ардстро знали его как «обездоленного сироту» или «плод злотворного союза», потому спускали ему с рук мелкие кражи, объясняя это тем, что без сворованной у дельцов еды парень сгинет вовсе.

– Мисс, задавайте свой вопрос, – сказал Бран, немного отодвигаясь от нарастающего энергичного напора Авы.

– Ах, точно, вопрос, – улыбнулась девушка и слегка хлопнула себя по лбу. – Ну так вот, мой мальчик. Какого растения больше всего боятся пауки?

Именно этот вопрос показался Брану наиболее странным.

– Мисс, вам наверняка и без меня это известно.

Лицо Авы приняло весьма загадочное выражение. Если до этого она была уверена в собственных познаниях, то сейчас, казалось, она не просто проверяет юношу, а действительно ждет от него конкретного ответа. Ее пальцы, до этого нежно прикасавшиеся к узким плечам Брана, сжали их до такой степени, что кожа побелела, а сине-зеленые вены можно было разглядеть невооруженным глазом.

– Мне неприятно, – сказал юноша, почувствовав боль от давления на удивление сильных рук девушки.

– Какого растения больше всего боятся пауки, Бран? – проговаривая каждую букву, вновь спросила Ава, еще сильнее сжимая плечи юноши своими пальцами. – Ответь мне, – она, словно дикая кошка, держала свою маленькую добычу, не давая ей вздохнуть.

– Я думаю, мелиссы лимонной, мисс, – испуганно ответил Бран, закрыв глаза от нарастающей тревоги.

– В каких местах она растет? – продолжала Ава, впиваясь взглядом фиалковых глаз в исступленное, искривленное от боли лицо юноши.

– Она должна расти здесь... В лесу, мисс. Этот кустарник любит глинистую влажную почву, – протараторил Бран себе под нос.

– Ты ее видел? – продолжала наступление Ава, не обращая внимания на дрожь, проходящую по телу юноши.

– Да, но не здесь.

– Где?! – воскликнула зеленоволосая девушка, уже не пытаясь скрыть своего раздражения. – Где ты видел эту чертову траву, Бран?!

– В одном из оврагов. В Ардстро, – ответил мальчик, сжимаясь от нарастающей в плечах боли.

Улыбнувшись, Ава резко расслабила пальцы рук, освободив плечи Брана.

– Вот и чудненько, – беззаботно бросила она, приняв добродушное выражение лица. – Думаю, нужно позвать остальных, они наверняка уже справились со своей задачей.

Юноша приоткрыл глаза, боль в плечах еще давала о себе знать, пульсируя нарастающим покалыванием.

– А как же расцветные камелии, мисс?

– Ах, это... – без интереса бросила Ава, убрав за ухо темно-фисташкового цвета волосы. – Это обыкновенные лечебные цветы, мой мальчик.

Кажется, сделка была совсем не в пользу Брана, но он никак не мог объяснить себе поведение новой знакомой. Спросить ее об этом не было никакого желания, потому как навлекать на себя гнев Авы было, как минимум, небезопасно.

Входная дверь протяжно скрипнула и с тяжестью отворилась.

– А вот и мы, – улыбающийся Девин вошел первым, неся в руках полные янтарные плоды, налитые соком осенней плодородной почвы. – Зря ты не пошел с нами, Бран. Столько интересного пропустил, – на смуглом лице парня проступила испарина, которую он, привыкший к тяжелой работе, вообще не замечал. – Ох, видел бы ты, как жалобно визжал Фиц, когда на него с одной из веток спустилась жирная гусеница! Даже Арин бесстрашно отметала надоедливых букашек, а этот слащавый принц бегал по всему саду, вопя и прося о помощи.

– И почему «даже» Арин? – негодовала рыжеволосая девочка, надув свои веснушчатые щечки, отчего стала походить на пухлого карапуза. – Я, между прочим, почти ничего не боюсь.

Девин хохотнул так, что по маленькому деревянному дому прошел гул. – А как же тролли, людоеды?

– Дурак ты, это же совсем другое, – ответила девочка, бурявя взглядом каштановых глаз довольного парня.

– Заткнитесь вы уже! – резко сказал Фиц, ступая на порог просторной кухни. – Треплетесь тут как склочные базарные торгаши. Меня от вас тошнит.

– Будет тебе, недотрога, – усмехнулся кареглазый парень, отвесив Фицу легкую оплеуху. – Или мне припомнить, как ты катался по полу и протяжно звал свою мамочку?

Светловолосый парень лишь хмыкнул, ничего не ответив.

Ниса вошла в комнату последней. На ее лице, словно маска, застыло растерянное выражение. Девочка была явно не в себе, взгляд ее больших зеленых глаз метался от одного угла комнаты к другому, будто искал поддержки у стен этого дома. Бран хотел подойти к ней, но что-то внутри него, похотившее на страх, не давало встать с места и утешить девочку.

– Тут, честно говоря, не так уж и плохо, – сказал Девин, пересыпая фрукты из подола пыльной рубашки в корзину. – В Ардстро столько еды вряд ли можно сыскать. Сейчас земля у нас совсем не плодоносит, а скот без травы сдыхает, как от чумы.

Ава еле заметно улыбнулась, и ее раскосые глаза лукаво сощурились.

– Можете вкушать плоды из моего сада, пока животы не лопнут. Чем больше вы едите, тем радостнее у меня на душе, – поставив на огонь маленький чугунный чайничек, она легким жестом руки пригласила детей к столу. – Фрукты, как вы знаете, имеют свойство гнить. А для меня одной их слишком много.

– Нас дважды просить не нужно, – ответил Девин, набирая в грязные, испачканные в сырой земле, руки плоды и запихивая за обе щеки. – Как же это, черт возьми, вкусно! Никак не могу наесться.

– Может, все оттого, что ты обжора? – фыркнул Фиц, презрительно взглянув на своего товарища.

– Оставь и мне пару виноградных гроздочек, – сказала Арин, пытаясь дотянуться до корзинки, наполненной свежими фруктами и овощами.

Ниса продолжала молча стоять в углу, скрестив тонкие руки на груди. Есть ей, по-видимому, совсем не хотелось. Она с силой кусала побелевшие губы, будто желая вновь привести себя в чувство.

Ава возилась у раскрытых настежь шкафчиков в просторной малахитовой кухоньке, водружая на длинный буковый стол глиняные кружки с обжигающим чаем, сушеные баранки, земляничные ягоды и прочие яства. Воспользовавшись шансом, девочка потянула смирно сидевшего на деревянном, слегка поскрипывающем под человеческим весом, стуле, Брана за собой в дальний угол комнаты, скрытый от посторонних глаз.

«Ниса, что с тобой?» – хотел было спросить Бран, но девочка поспешно цыкнула на него, прижав тонкий аккуратный пальчик к губам.

– Послушай, мне здесь совсем не нравится, – шепотом произнесла она, постоянно оглядываясь на уплетавших кедровые орехи и свежесобранные плоды товарищей, а главное, на загадочную, занятую неспешной готовкой, хозяйку дома. – Ава не та, за кого себя выдает. Поверь мне, я это нутром чую.

– Но почему ты тогда вышла из дома? Мне показалось, будто это была не ты. То есть не та ты, которая... – также

шепотом ответил Бран, неумело подбирая слова и чувствуя себя полным олухом, находясь всего в нескольких сантиметрах от возбужденного лица Нисы.

– Это действительно была не я. Тело меня совсем не слушалось, а сознание вернулось только после того, как я вошла обратно в дом.

Все также опасаясь, что в этом таинственном доме у стен есть глаза, а у дверей уши, Ниса прерывала разговор и постоянно вертела головой, как заведенная механическая кукла – то в одну сторону, то в другую. От этого светлые локоны исполняли причудливый танец, порхая у ее побелевшего от излишней нервозности лица.

– Я видела, как она спрятала стеклянный осколок, который я нашла, в одну из своих потайных шкатулок и заперла ее на замок. Если что-то произойдет, мы окажемся совсем беззащитными.

Бран чувствовал, как учащенно забилось его сердце. Сейчас он был нужен Нисе как никогда прежде, от этого мысли в голове путались, подобно шерстяным ниткам в старом мохнатом клубке. Он достал из кармана маленький сосуд со стертой годами и подвальной сыростью надписью.

– Я не знаю, что здесь, но, возможно, это нам пригодится, – протараторил мальчик, сжимая в руке крошечную склянку.

Ниса внимательно осмотрела ее содержимое и, проговорив вслух каждую размытую букву на оранжево-желтой ста-

ринной бумажке, слегка улыбнулась.

– Я не уверена, но, возможно, это слово когда-то означало «разъедает». Остального, увы, я не могу понять.

Бран немного приободрился. Все же сворованный им в зловонном погребе сосуд мог на что-то сгодиться.

– Ну, и чем вы тут занимаетесь? – медленно протянула Ава слегка хрипловатым голосом.

У детей вновь создалось пугающее ощущение, что дама, подобно тени, не ходит, а пролетает над деревянным скрипучим полом – настолько бесшумно и незаметно она подобралась к ним.

– А я наивно полагала, что большое сердце юного гения свободно, – хохотнула она, обнажив ряд белых зубов.

Ава была, бесспорно, красива, чудовищно красива, но также, несомненно, хитра, умна и расчетлива.

– Мы обсуждали, не остаться ли нам погостить у вас, – судорожно проговорила Ниса, спешно заслоняя от зеленоволосой нимфы Брана, прятавшего склянку обратно в карман штанов.

– О, это просто замечательно! Оставайтесь здесь столько, сколько вашей душе угодно, дорогие, – грациозно взмахнула изящными, бледными руками Ава, сомкнув их в легком похлопывании. – Ой, кажется, я забыла потушить огонь. Вы уж простите мне мою невнимательность, – она обернулась и также бесшумно запорхала в сторону объедавшихся до отвала слегка неблаговоспитанных гостей. Затем, не преодо-

лев и половины пути, неожиданно сделала резкий поворот на алых, словно восточные маки, каблучках и угрожающим тоном произнесла: – Так странно... Кажется, у меня кое-что пропало. Какая-то совсем неинтересная штучка. Всего лишь баночка, наполненная растворяющим веществом. Поищем ее вместе, Бран?

Юноша сглотнул накопившуюся во рту слюну, стоя близ Нисы как вкопанный, и не находил, что следует сказать.

«Кажется, она все знает», – промелькнуло у него в сознании, и он тотчас принялся искать внутри себя ту сокрытую силу, которая могла бы преодолеть напор ее лиловых глаз. Он знал, что был полным трусом, но не мог показать этой совсем неблагородной части своего я Нисе, трепетавшей от безотчетного страха и ужаса.

– Обязательно, – кивнул он, натянув совсем неубедительную улыбку, отчего мышцы лица сразу же заныли. – Я помогу чем смогу.

Ава, подобно жадной кошке, неудовлетворенной безрезультатной охотой, слегка опустила длинные черные ресницы, но взгляд ее очей блуждал по телу Брана. Недобрый огонек, блиставший в ее лиловых глазах, спешно потух, не успев как следует разгореться.

– Что ж, я на это надеюсь, – слегка разочарованно сказала Ава, кажется, ожидая иного поворота их слегка напряженной беседы. – Ну, раз уж мы с вами закончили и говорить больше не о чем, прошу вас к столу, – она кивнула в сторо-

ну ненасытных, уплетающих фрукт за фруктом, орех за орехом и финик за фиником юных визитеров так, что казалось, в их ртах никогда и маковой росинки не водилось, настолько они были беспощадны и безропотны, вкушая чудные плоды, преподнесенные им заботливой хозяйкой. – Вы наверняка вновь проголодались. Разговоры забирают много энергии, знаете ли. Особенно, когда ведутся лично, в тайне от посторонних глаз...

Розово-золотые лучи рассветного солнца скоро сменились оранжево-бурым мерцанием заката. За разговорами и трапезой день, будто песок, стремительно просыпался сквозь пальцы. Как только запыхавшиеся деревянные часы в виде старой ухающей совы на одном из малахитовых шкафчиков пробили полночь за очередным чаепитием и плавно текущей беседой, Ава внезапно встала из-за стола, прервав себя на полуслове.

– Что ж, мне пора прилечь отдохнуть, – сказала она, нарочито зевая в кулачок. – Завтра обсудим, как с вами следует поступить. Ведь, как говорят у вас в деревне, утро вечера мудренее, – она откинула густые пряди волос на спину и неспешно последовала в свою спальную комнату, но остановилась: – Только, дорогие мои гости, ни в коем случае не вздумайте меня будить. И заходить в мою комнату вам также не следует, – ее брови сомкнулись у переносицы, и выражение на уставшем за день лице не предвещало ничего хорошего. – Сон у меня довольно... чуткий. Так что, прошу вас, соблюдайте тишину и не приближайтесь к моей спальне.

Сказав это напоследок, она скрылась за затянутой темной паутиной громоздкой деревянной дверью из дубовой породы. Как только Ава закрыла ее, Ниса, убедившись, что хозяйка дома ничего не слышит, впервые за весь вечер шепотом произнесла:

– Вам не кажется это место... жутким?

– Да ты чего? – недоуменно спросил Девин и похлопал Нису по плечу. – Эта дама оказала нам услугу, пригрев нас в своем доме и как следует накормив. А могла оставить на съедение лесным волкам, – он откусил еще кусочек от одного из переспелых фруктов и удовлетворенно скатился на спинку березового стула.

– Я согласен с Нисой. Думаю, Ава немного странная, – подал голос Бран, удивленный собственной смелостью. – Она меня пугает.

На лице девочки засияла благодарная улыбка, и она, тепло взглянув на Брана, продолжила:

– Я думаю, нам следует сейчас же убираться отсюда, пока не произошло нечто... нечто нехорошее.

– Не мели чепухи, Ниса, – бросил Фиц, придирчиво рассматривая свое отражение в полупрозрачной стеклянной посуде. – Думаешь, мы не видим твою ревностность и желание перетянуть на себя все одеяло внимания?

– Ревностность? Что за чушь ты мелешь? – выпалила белокурая девочка, легонько ударив кулачком по столу. – Я лишь пытаюсь нас спасти.

– Спасти от чего? – тихонько спросила Арин, оглядываясь по сторонам так, будто всерьез считала, что стены способны ее услышать. – Идти ночью в лес, чтобы нас съели тролли, людоеды или злобные феи с острыми метровыми когтями? Ты обрекаешь нас на смерть.

– Арин, никаких троллей не существует, – ответила Ниса, выговаривая каждую букву. – Это все сказки. Ну как ты не понимаешь?

– Существуют! Вы просто боитесь их, потому и не хотите этого признавать, – протараторила Арин, подрагивая всем телом при упоминании этих никому неизвестных форм жизни.

– Если это так, почему они не выходят, чтобы перебить всех жителей Ардстро? Почему бы им в самом деле не поживиться телами не только взрослых, но и детей? Если бы

я была злобным лесным существом, а не чьей-то выдуманной сказкой, то именно так и поступила бы! – закричала Ниса, пристально вглядываясь в лицо напуганной Арин. – А знаешь, почему они так не поступают? Потому что рассказы твоей матушки не более чем глупая выдумка больной головы!

В воздухе повисло напряженное молчание и только тикающие часы давали понять, что время не замерло, минуты продолжают свой отсчет. Ниса глубоко вдохнула промерзлый ночной воздух, понимая, что ляпнула лишнего, но отступать не собиралась. Гнев, собравшийся в ней, не мог найти иного выхода, поэтому она обратилась к Фицу, как постоянному источнику ссор и распрей.

– Ну разве я не права? Ты же сам всегда об этом говорил...

Фиц сомкнул веки и, как это всегда бывало, не стал поддерживать Нису даже в таком, казалось бы, решенном для него вопросе. К тому же общий враг в лице своенравной девочки лишь давал ему время для непродолжительной передышки и подготовки новой почвы для демонстрации всех граней его ядовитого характера. Фиц был змеей во всех отношениях и зря не расточал своего яда.

С треском догорала одна из восковых свечей, окропляя влажными горячими каплями буковый стол. Атмосфера постепенно накалялась, а голоса детей становились все громче, переходя с полусшепота в крик.

Из комнаты хозяйки дома слышался пугающий скрежет

и хриплое устрашающее бормотание. Казалось, что в ее покоях находился старик на смертном одре, который отдавал последние распоряжения своим потомкам или же вовсе проклинал их.

– Может, ей плохо? – предположила Арин, испуганно закусив губу.

– Нужно сходить и проверить. Может, она чем-то больна и ей необходима наша помощь, – сказал Девин, поспешно вставая из-за стола.

Ниса схватила его за рукав испачканной рубашки своими маленькими ладошками, умоляюще посмотрела на Девина и испуганно прошептала:

– Она же просила ни в коем случае не заходить в ее комнату.

Но тот был непреклонен.

– Мои родители учили меня быть добрым к тем, кто проявляет заботу о тебе, – раздраженно ответил Девин, вырывая свой рукав из тонких, сжатых в кулаки, пальцев Нисы. – А тебя, видимо, нет...

Арин молча последовала за ним. Бран, Ниса и Фиц остались неподвижно сидеть на шатких деревянных стульях в мрачной, залитой теплым отсветом догорающих бледных свечей комнате.

Не осмеливаясь начать разговор, не зная, как правильно вести речь, Бран лишь украдкой заглядывал в травянисто-зеленые глаза девочки с отстраненным взглядом под прикры-

тыми нежно-розовыми веками.

Ниса обхватила себя руками, а с ее слегка побелевших губ срывались подавленные вздохи и сильные стоны, словно некое слово забилося в ее горле, как пойманная в охотничьи сети вольная ласточка, тщетно бьющая маленькими крыльшками о прочные узлы клетки.

– Ну и дура же ты, – обратился к девочке Фиц, выковыривая остатки трапезы из зубов тонкой деревянной палочкой. – К тому же неблагодарная.

После этих слов комок в горле девочки все же нашел выход, и она с жаром воскликнула:

– Ну и пес со всеми вами! – с этими словами Ниса схватила со стола пару спелых плодов, горстку кедровых орешков и стеклянную бутылку с речной водой. – Ты со мной? – резко обратилась она к Брану.

Тот невольно вздрогнул.

– Ниса, это небезопасно. Я думаю, нам лучше держаться вместе, – ответил юноша, прислонившись своей вспотевшей ладонью к тонкому девичьему запястью. – Мы можем отправиться завтра. Зачем пороть горячку? – добавил он и, смутившись, на полшага отстранился от Нисы.

– Хорошо. Но обещай мне, что с рассветом мы уйдем отсюда, – сказала девочка, сдвинув брови над переносицей.

Деревянная сова продолжала отбивать часы в такт секундам, а восковые свечи все стремительнее оплавливались, оставляя лишь серовато-меловую дымку, аромат душистого лада-

на и угольный обнаженный фитиль. В комнате витал морозный ветерок поздней осени, залезая под слои испачканной одежды и отрезвляя сонные головы. Фрукты на столе притягивали взгляд своими сочными спелыми бочками, даже сытость округлившегося живота не позволяла не думать о них. Но в одну секунду все резко изменилось. Бран всем своим существом ощутил вязкое чувство страха, плавно растекающееся по телу словно мед с веретена – от макушки и дальше по спине. Вмиг он увидел остекленевшие глаза Нисы, услышал хриплый выкрик Арин и ощутил отвратительно-навязчивый звон в ушах. Слово звучала чарующая музыка приближающейся неизбежной трагедии. В мгновение его тело стало таким легким и ватным, что приятно онемевшие ноги уже не могли удержать его на месте. Юноша как бы со стороны наблюдал за происходящим безумием. Из окутанной мраком комнаты вышло нечто ужасное – существо, которое сложно было описать словами. Его острые когти и взгляд сощурившихся лиловых глазниц с выпуклыми, словно паутина, алыми венами бешено метался по комнате от одного ребенка к другому. Заостренный подбородок был усыпан жирными волосатыми бородавками, словно лесная прогалина дикими ягодами, а с плешивой головы торчащими перьями, облепив огромный клыкастый рот и иссохшие костлявые щеки, свисали темно-зеленые пряди волос. Слово остервенелое животное, существо хваталось за окружающие предметы, метая их в незваных гостей, вгрызаясь в деревянные

шкафчики и разрывая их, будто тонкий лист бумаги.

– Сладкие, вкусные, упитанные малыши, – рычало оно, обнажая ряд соломенного цвета клыков. – Мясо, много сочного мяса, – продолжал кричать монстр, пытаясь ухватиться за ворот тонкого платьяца Арин.

Ниса тряхнула Брана что есть силы и звонко ударила его по окаменевшему лицу.

– Ну чего ты стоишь, идиот? Бежим! – девочка взяла его за локоть и силой потащила к выходу. – Приди в себя, иначе нас всех сейчас убьют!

Бран пытался взять себя в руки, сопротивляясь ватности своего обмякшего тела. Арин продолжала истошно кричать. Фиц, вскочивший из-за стола, первым выбежал во двор, отталкивая друзей и всеми имеющимися силами пытаясь спасти свою жалкую трусливую шкуру.

Уродливое существо на удивление ловко подтащило рыжеволосую девочку к себе и разъяренно ударило ее о скрипучий деревянный пол. Кровавая пена с бурлением вышла изо рта Арин, отчего истошный крик замер в ее сдавленном горле.

Девин схватил отвалившуюся от стула ножку и начал, словно вмиг осмелевший воин, размахивать ею у самой морды монстра, но чудовище лишь ядовито усмехнулось.

– Мясо не должно сопротивляться, – свободной конечностью оно выхватило оружие у парня, и березовая деревяшка с хрустом лопнула в его длинных острых пальцах. – Не

нужно противиться воле Мары —повелительницы сумрака, дочери ночи, – держа Арин за маленькую пяточку, существо начало погружать ее в свою огромную зубастую пасть.

– Боже, сделайте же что-нибудь! – обратился Девин к стоящим рядом Нисе и Брану.

Белокурая девочка безмолвно наблюдала за происходящим кошмаром, противиться дикому монстру было не в ее силах. Осколок стекла, который Ниса сумела найти в одной из подвальных коробок, хозяйка дома отняла и спрятала в свой потайной шкафчик. В огромных детских глазах застыли жгучие хрусталики еще не скатившихся слез.

Что-то в груди Брана с жаром и трепетом зашевелилось. Будто сила, скрытая глубоко внутри за стенками аорты, выплеснулась и налила все дрожащее от страха тело, придав ему неистовую мощь. Он машинально достал из кармана маленький сосуд с неизвестным содержимым и, вырвавшись из рук Нисы, двинулся прямо на монстра.

Существо зычно вскрикнуло, когда по его уродливой физиономии тонкой шипящей струйкой пролилась синяя вязкая жидкость. Лиловые глазницы буквально прожгло насквозь, а волдыри на морде взбухли, как крупные бутоны пионов, и вырвались наружу пенистой горчичной влагой.

– Мои глаза! – рычало существо, опускаясь в бешеном припадке на колени.

Обмякшая Арин выскользнула из его безобразных лап. Девин, не растерявшись, вцепился крепкими руками в тело рыжеволосой девочки и, посадив ее себе на спину, рывком ринулся к выходу.

Бран смотрел на дикое, исходящее истошным воплем существо как замороженный. В его голове путался десяток разных мыслей, но одна из них была самой яркой: благодаря своим знаниям, он способен на все. Настойки из трав и цветов могут излечивать самые ужасные раны и ровно также могут приносить колоссальный вред живым существам и даже убивать. В его хрупком теле продолжала пульсировать жажда. И это было равносильно эйфории или экстазу. Он был подобен всего лишь пустому стеклянному сосуду, но умения, наполняющие его, делали обыкновенную бутылку совершенно бесценной.

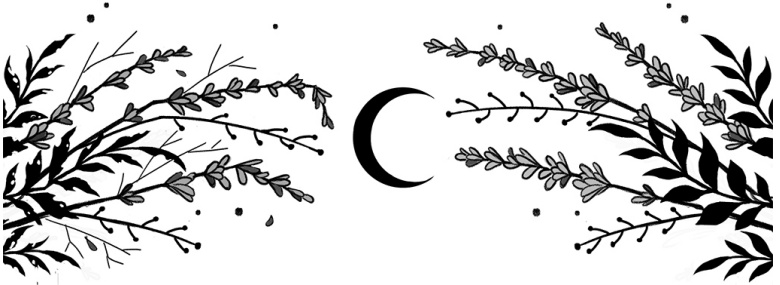
Юноша хотел поближе изучить монстра, трепыхавшегося на полу, подобно бабочке с оторванным крылом. «Ближе, ближе. Осмотри его, Бран. Сделай из его разрывающейся

плоти эссенцию», – шептал его разум, и мальчик безропотно повиновался ему.

– Бран, пожалуйста, очнись! – жалобный крик Нисы обжог его слух и заставил прийти в себя. – Бежим! Ну же!

Он в последний раз окинул существо взглядом, полным обострившейся заинтересованности, потребности в анализе и исследовании, но, повинаясь требовательному голосу подруги, выбежал из полуразрушенной хижины на свежий морозный воздух прямо в густой, темный, непроглядный лес.

Глава 4

Около часа дети без оглядки бежали по нехоженным лесным тропам, увязая в стоячих, местами топких дождевых лужах и отбиваясь руками от острых еловых ветвей и назойливой, застилающей и без того помутненные взоры, мороси. Порывистый ветер поздней осени бил наотмашь, словно норовил исхлестать и изрезать своими ледяными плетями их незащищенные лица и тела. Сердца учащенно бились в такт звучным трелям длиннохвостых неясытей и гулкому уханью хищных ушастых сов. Лес, будто живое, дышащее пушистыми кронами существо, смыкался в беспросветный лабиринт, сбивая с пути до смерти напуганных путников. Словно окончательно недовольный своей картиной художник, чаща смешивала на холсте черные краски, спутывала между собой уз-

кие тропы, превращая их в одну жирную серую кляксу.

Наконец сменив стремительный бег на шаг, подростки остановились у одного из пушистых, едва различимых в ночи, слегка подсвеченных дымным отсветом серебристой Луны кедров. Переведя сбитое продолжительным бегом дыхание, все почувствовали, что опасность, еще недавно щеко-тавшая нервы и терзавшая души, все же покинула их. Осталась где-то далеко, за тяжелой стеной, возведенной между ними и чудовищем самой природой.

Бран внезапно осознал, что такая приятная на ощупь рука Нисы все это время сжимала его руку у запястья. Блаженное тепло разливалось по его уставшему телу, поспешно уносимое порывом холодного, пробирающего до костей и обжигающего пунцовые щеки ветра. Сил не осталось даже на то, чтобы украдкой произнести хоть словечко, да в этом и не было никакой нужды.

Утомленные подростки напряженно молчали, прокручивая в сознании ужасающие картины случившегося. Но никто не смел как-либо упомянуть об этом, словно страшась, что сказанное вслух вновь станет реальным, живым, приводящим разум в праведный ужас и леденящее исступление.

Арин, находившаяся все это время без сознания, обмякла на спине Девина, подобно тряпичной театральной кукле со срезанными нитями и металлическими прутьями, грузом брошенной в запылившийся старый сундук кукловодом до следующего драматического представления. Рыжие вол-

ны волос закрывали от чужих глаз измученное, еще недавно полное жизни, до смешного наивное детское лицо. Даже в умопомрачении она стонала и всхлипывала так протяжно и глухо, что несущего ее на собственной спине Девина пробирала холодная дрожь. По прошествии пары мучительно тянувшихся, словно долгие дни, минут Арин протяжно вздохнула, открывая мрачной чащобе свои темно-карие глаза.

– Где мы? – тихонько спросила она побелевшими, слегка пересохшими от порывистого ветра губами, на которых застыли крохотные багровые капли еще не запекшейся крови. – Мне приснился чудовищный сон, – едва дыша протянула она, – и у меня ужасно болит нога.

Девин немного поморщился, вспоминая, как существо ударило Арин о прочный древесный пол, и совсем не удивлялся тому, что девочка отчасти потеряла память, а ее хрупкое тело ноет от невыносимой боли. Он не знал, что следовало сказать: напомнить Арин о случившемся или умолчать о реальности события, скрыв от девочки ужасающую правду. Варианты, как ему казалось, были равно плохими, и парень пытался выдать из себя что-либо вразумительное, но все было тщетно.

– Это был не сон, дура. Из-за тебя нас чуть не сожрала страшная уродливая тварь! – в исступлении выкрикнул Фиц, исподлобья взглянув на Арин.

Он боялся, безумно боялся за свою хрупкую, как китайская фарфоровая ваза, жизнь и от этого чувства холодный

страх, накопившийся в теле, превращался в неконтролируемый гнев.

Девин неспешно спустил Арин со своей широкой и крепкой, скрытой рваным тряпьем, спины. Девочка не могла устойчиво стоять на земле – голова у нее сильно кружилась, а нога мучительно болела. Парень помог ей опереться на одно из высоких деревьев, и Арин протяжно взвизгнула от вновь проявившейся в конечности боли. Она опустилась, обняв колени руками, и заплакала навзрыд так громко и утробно, что плач лихо несся по лесу звучным эхом. Девин, на удивление, не обращал ни малейшего внимания на ее истошный вопль. Скрипя от гнева скулами и сжимая крупные кулаки, он подошел к трясущемуся от несдерживаемой тревоги Фицу и неожиданно для всех с силой ударил его в скулу. Фиц громко застонал, упав всем телом на сырую промерзлую землю. Он бился в истерике, прижимая руки к ушибленному месту, плакал и звал остолбеневших детей на помощь. От боли он впивался пальцами в лесную почву так, что под его коротко подстриженными ногтями собрался толстый слой влажной черной грязи. Но Девину было этого мало. Он сел на Фица сверху, сжав его торс между собственными жилистыми ногами, и продолжал раз за разом наносить тяжелые удары по заплаканному, опухшему лицу приятеля, оставляющие за собой киноварные, словно весенние примулы, размытые пятна.

– Где ты был, черт тебя дери, когда Арин чуть не сожрала

эта чудовищная тварь?! – кричал он, в очередной раз заноса над стонущим Фицем кулак, отчего тот рыдал и распаялся стонами пуще прежнего. – Крыса ты поганая, как ты мог нас бросить?!

Кровь разлеталась во все стороны, обагрив смуглое лицо Девина своими яркими, как густое малиновое варенье, брызгами. Безумие и неудержимая свирепость читались на его озлобленном, искривленном от гнева лице, будто он собирался забить Фица до смерти и не видел в этом ничего дурного.

Ниса отпустила руку Брана и рывком ринулась к дерущимся мальчишкам, судорожно трепыхавшимся на мокрой земле, подобно цепным псам, остервенело бьющимся за кусок жирного мяса или свиной кости.

– Прекрати, идиот! Ты же его сейчас убьешь! – Ниса со всей силы отталкивала рассвирепевшего Девина от размякшего, бледнеющего на глазах Фица. – Перестань, прошу!

Арин прижала руку к дрожащим от ужаса губам, а ее взгляд непонимающе метался от одного юноши к другому. Удар головой и боль, терзающая ее ногу, явно сыграли с ней плохую шутку – разум был еще порядком помутнен. Она была подобна беззащитному ребенку, увидевшему бурную и абсолютно бестолковую ссору родителей и неспособному вмешаться в происходящее и каким-либо образом прекратить это чудовищное действие.

Девин продолжал наносить сокрушительные удары. Чер-

неюший над их головами ночной мрак и враждебная недоброжелательность леса негативно сказывались даже на его, казалось бы, здоровом рассудке. Дрожащими руками Ниса не могла оттащить Девина от залитого собственной стылой кровью Фица. Потеряв всякую надежду закончить эту бесполезную и беспощадную схватку, она просто-напросто разрыдалась. Истошно крича и проливая потоки горьких слез, девочка дала выход всем сокрытым в глубине чувствам.

Глядя на обезумевших друзей и Нису, что разрывалась от истерических рыданий, Бран решил показать всю свою безудержную смелость, до сих пор разливавшуюся по телу, словно бодрящая своей леденящей влагой родниковая вода. Приняв беспристрастное выражение лица, он медленно подошел к Девину и, опустившись возле него на корточки, сказал:

– У меня еще осталась та опасная жидкость, Девин. Не думаю, что ты хочешь испробовать ее эффект на себе.

Кулак крепкого парня замер в воздухе, как замороженный, а с глаз сошла безумная пелена, застилавшая благоразумие. Девин явно не на шутку испугался и, сам себе не отдавая в этом отчета, спешно вскочил на ноги и преклонил перед растерянными детьми голову.

– Простите меня. Я не... я не... – пытался выговорить он, но всем и без слов все было понятно.

Замерший в груди страх и пожирающие его изнутри переживания за собственную жизнь и жизни друзей именно та-

ким безобразным образом нашли выход из страстной, чувственной души Девина.

Фиц сплевывал накопившуюся во рту кровь на землю. Он толком не мог пошевелиться. Бледное лицо покрыли ссадины и уродливые пурпурные разводы. Девин был гораздо сильнее, чем можно было представить, и Фиц, вовсе того не желая, испытал эту недюжинную силу на собственной шкуре.

– Прости меня, Фиц, я не хотел, – жалобно застонал Девин, ошарашенный собственноручно содеянным ужасом. – Я сильно испугался за Арин, поэтому был так зол на тебя, что... Знаю, это меня несколько не оправдывает, но, поверь, мне очень-очень жаль.

– Да заткнись ты уже, крепыш! – сказал Фиц, в который раз выплевывая бурлящую и пузырящуюся, как мыльная пена, кровь на глинистую лесную землю. – Думаешь, ты смог сделать мне больно? Куда уж там! Я дал тебе фору только потому, что считаю, что заслужил небольшую трепку, – он аккуратно встал, опершись рукой на плечо, подставленное трепетавшей от страха Нисой, и зашаркал в сторону Девина. Фиц внимательно посмотрел в его карие глаза и медленно, растягивая каждое слово, сказал: – В следующий раз такой форы не будет. Так что смотри в оба, – с этими словами он лениво поковылял в сторону кривого, усеянного яркими бордовыми листьями, лохматого пузыреплодника и расположился под его махровой кроной, скрывающей залитый при-

ятным звездным светом небосвод.

Ниса легонько выдохнула – кажется, беда, тревожащая ее чуткое сердце, была позади. Душа ее трепетала от переполняющих чувств благодарности и признательности, она была в полном восторге от Брана и его храбрости. Ниса подошла к мальчику вплотную, так, чтобы он с легкостью мог рассмотреть ряд очаровательно порхающих над томными изумрудными глазами ресничек и яркие, изогнутые в нежной улыбке губы.

– Спасибо тебе большое. Даже не знаю, что нашло на этих одичавших мальчишек, – сказала она, на ходу подбирая подходящие к ситуации слова. – Фиц никак не научится держать свой чертов язык за зубами, будто так и норовит получить затрещину, – девочка с некой долей жалости посмотрела на съезжившегося от боли Фица, глубоко внутри осознавая причину проявления его скверного характера. – Любопытно, неужели ты и вправду стал бы выливать на Девина содержимое той... ядовитой склянки?

Бран потупил взгляд. Похвала Нисы слегка смутила его, вогнав впалые щеки в пунцовую краску и заставив усталое тело страстно пылать.

– Я все вылил на монстра, так что, даже если я и пожелал бы испортить физиономию Девину, к счастью, не смог бы, – он вынул из кармана хлопковых штанов пустую стеклянную баночку. Крохотные синие капельки застыли на ее дне, подобно очаровывающим взгляд ягодам голубики или налитой

слегка кисловатым соком душистой жимолости.

– Так ты выдумал все это, чтобы отпугнуть его? Получается, соврал? – спросила Ниса, аккуратным жестом руки убрав с лица волнистую прядку, выбившуюся из светлой пушистой гривы волос. Затем спешно стерла с удивительно хорошенького и не по возрасту женственного лица неприятно щиплющие кожу соленые слезы.

Бран, порядком смущенный ее словами, виновато отвел взгляд. Ему не впервой приходилось врать и искажать факты. Он и сам иногда забывал, сколько раз ему приходилось изворачиваться в безжалостной действительности, потому как его жизнь в Ардстро была, как ему казалось, сущим кошмаром: воровство, голод, болезни, преподнесенные ему холодным подвалом, в котором юноше приходилось коротать свои серые дни, и даже уличные драки. Ведь ничего, кроме выдумок и двойственных приемов, не помогало ему выживать в суровой реальности бытия.

Как-то раз он врал доброжелательной ткачихе, тетушке Хлое, что болен тифом, и слезно умолял дать ему пару рут из ее и без того уже порядком опустевшего кошелька. Врал наивной нянюшке Эби из обнищавшего сиротского дома, уныло стоявшего на самой окраине деревни, словно бельмо на глазу Брата Каллета. Глядя на ее сморщенное, исхудавшее от постоянных денежных недоборов лицо, он скорбно вещал о том, что ему нужно сходить на могилу давно усопших родителей, да так и не вернулся в сиротскую обитель. Врал даже

Девину, что тот его знать не знает, а ведь именно он так часто воровал хлеб из хлебопекарни семейства Линчей. Бран все-рвез считал себя сущим лгуном и этаким пройдохой, но по какой-то неизвестной ему причине не хотел обнажать свою дурную сторону перед этой, едва ему знакомой, необычайно обаятельной девочкой.

– О нет, я не соврал. На дне баночки все-таки осталось немного этого... этой странной субстанции, – пристыженно ответил он, прищулив глаза и пытаясь разглядеть оставшиеся в стекляшке капли эссенции. – Вот они, видишь?

– Чушь какая-то. Осталась всего пара капель. К тому же ты сам только что сказал, что склянка пустая, – сказала Ниса, недоверчиво посмотрев на Брана.

Сейчас она больше походила не на наивную девочку в тонком льняном платье, подобном тому, которое носили все юные девицы этого возраста, а на взыскательную учительницу, отчитывающую своего строптивого ученика за очередную провинность.

– Эй, вы, голубки, хватит трепаться! – сердито выкрикнул Девин, прислонив ладонь ко лбу вздрагивающей при каждом вздохе Арин. – У нее жар и, кажется, что-то с коленом.

Ниса с Браном подбежали к приятелям, не обратив внимания на манеру обращения Девина и неоднозначные намеки на их неприкрыто теплое отношение друг к другу.

Ниса взяла Арин за руку, скользнув участвующим взглядом по ее порядком опухшей, испещренной ссадинами и об-

ширной гематомой ноге. Она сокрушенно покачала головой и неожиданно обернулась к оробевшему Брану, стоявшему позади нее.

– Ты вроде говорил, что хотел стать врачом. Думаю, тебе выпал такой шанс. У нее сильный ушиб ноги, и мне кажется, она здорово ударилась головой о тот проклятый пол из преувеличенно редкой породы чертовых деревьев.

Бран неуверенно осмотрел пострадавшую от лап монстра девочку. Лицо ее пылало, губы и щеки налились пунцовыми островками размытых по краям пятен. Колено вздулось так, что на тонкой бледно-розовой коже отчетливо проявилась сине-зеленая паутинка одутловатых вен, а из слегка приоткрытого, безвольно застывшего рта вырывались лишь глухие всхлипы и протяжные стоны. Мальчику никогда прежде не приходилось лечить тяжело больных людей, он мог лишь со стороны наблюдать за этим опасным, но довольно завораживающим процессом и мастерством рук доктора Рэя. «Мастер Рэй и его лазарет пришли бы сейчас как раз кстати», – подумал Бран, закатив рукава своей пропитанной проливной моросью и липким потом рубахи.

– Я попробую, но ничего не обещаю. У меня это впервые.

Бран попытался аккуратными, неспешными движениями выпрямить вздутую конечность Арин, у него это неплохо выходило до тех пор, пока девочка истошно не завопила от нестерпимой боли и отняла ногу обратно. Бран напряженно вздохнул – дела были совсем плохи. Он с нескрываемым

страхом взглянул в черные глаза зловещей чаши, на тропинку, уводящую вглубь лесного лабиринта. Из окутанной устрашающим мраком глуши продолжали доноситься леденящие душу звуки: шорох крепких безлистных ветвей и духовитого волчегодника, шум ветра, запутавшегося в ветвистых макушках елей и кедров, цокающая трель сбившихся к поздней осени в стаи синиц, корольков и поползней, топот и пронзительный свист белок, предупреждающий сородичей о предстоящей опасности, дальний, едва уловимый вой серого волка, явно не сулящий ничего хорошего.

– Я ничего не могу сделать, пока мы не найдем нужные для ее излечения травы, – сказал Бран, уныло понурив голову. – Но мы вряд ли способны идти таким составом вглубь леса, тем более ночью.

Ниса, явно разочарованная ответом, огорченно взглянула на юношу. Ее вновь пробрала жуткая дрожь, доходившая до самого белокурого темени.

– Но мы не можем оставить ее в таком состоянии. Она просто-напросто не может идти в Ардстро. Нам нужно... нам нужно...

– Думаю, что про меня уже все забыли, – желчно выпалил Фиц, кряхтя и кашляя при каждом удобном моменте. – Но коль я все еще тут и все еще не умер от бахвальства и показушничества некоторых товарищей, – процедил он сквозь зубы, с нескрываемой злобой глядя в сторону Девина, – у меня есть возможность вправить вам мозги.

– Не прибедняйся, олух, у тебя всего-то пара ушибов. И то, порядком заслуженных, – сказала Ниса, с презрением глядя на явно переигрывающего парня. – А вот Арин нуждается в незамедлительной помощи. Ей действительно нехорошо.

– Хватит храбриться, Ниса, ты всего лишь бессильная маленькая простушка, заблудившаяся в чертовом диком лесу, населенном страшными, сказочными тварями. Слова обезумевшей Мойры Куин теперь совсем уже не кажутся бредовой выдумкой, – на хорошеньком до тошноты лице Фица впервые появилась взрослая, глубокая сосредоточенность и не напускная серьезность. – Трудные времена требуют решительных мер. Никто из нас явно не желает отправиться за этими, бог весть какими травами и стать угощением для оголодавших животных. Если не хотим быть убитыми, должно откинуть ношу и всеми силами постараться сохранить собственные жизни.

Запутавшись в паутине пространных рассуждений, каждый заглянул внутрь собственной души, отыскав лишь Фемиду, держащую в крепких, закаленных судьейством руках тяжелые чугунные весы. Ребята не были готовы к такому повороту судьбы, к такому несправедливому выбору. На одной из жертвенных чаш лежали их хрупкие жизни, на другой же покоилась жизнь Арин, висевшая на тонком волоске порочной судьбы. Какой же выбор являлся истинно верным? Каждый должен был решить лично.

– Это неправильно. Я знаю, о чем все вы думаете. Знаю, потому что думаю о том же, – сказала Ниса, закусив обветренные губы. – Мы должны ее спасти. Никогда себе не прощу, если оставлю Арин здесь одну. Своими страхами мы обрекаем ее на верную смерть.

Бран сжал кулаки, продолжая сверлить взглядом черное туманное пятно роковой ночи.

– Бран, я понимаю, что многого прошу, но мы должны оказать ей помощь. И только ты один знаешь, что для этого требуется. Не исключено, что с ней случится что-то очень плохое, если мы станем ждать утра, – протараторила Ниса, продолжая сжимать в своих руках обессиленную ладонь неровно дышащей Арин.

Бран знал, что случится, если они сейчас же не начнут действовать. Он просчитывал наперед все возможные варианты. Как знать, вероятно, во время удара о пол Арин сломала не только колено, но и тазобедренный сустав, а это, как говорил доктор Рэй, один из самых опасных переломов, который может охватить не только сами кости, но и привести к повреждению внутренних органов и нервной системы. Вполне допустимо, что, если оставить все как есть, девочку хватит болевой шок, и она не сможет есть и принимать питье, потому как существует вероятность застревания съеденного и выпитого в горле. Место перелома может неправильно срастись, тогда девочка попросту не сможет ходить. Но главной угрозой оставалась открытая рана на ноге – вот

что действительно могло привести к необратимым последствиям для жизни Арин. Кроме целебных трав, обязательно требуется что-то, что может надежно зафиксировать ногу и помочь костям срастись. И Бран никак не мог понять, что именно может служить таким приспособлением.

– Ты готова подвергнуть свою жизнь опасности, Ниса? – вдумчиво произнес Бран, внимательно посмотрев на вздрагивающую от осеннего ветра белокурую девочку.

– Я готова, – неуверенно проговорила Ниса, вставая с сырой лесной почвы и отряхивая свое порядком испачкавшееся платье. – Думаю, мы сейчас же должны отправиться за растениями, пока Девин будет следить за бедняжкой Арин, – она погладила рыжеволосую девочку по макушке, оставив на ее побледневшем лбу маленький теплый поцелуй.

– Фицджеральд, ты идешь с нами?

Фиц лениво приподнялся на локтях, затем, как плохой актер, с пережимом охнул и вновь плюхнулся на землю под укрывающие от назойливого дождя кроны взлохмаченных листьев ярко-бордового пузыреплодника.

– Как ты можешь просить меня о таком? Разве не видишь, что я слишком слаб и едва могу ходить? – он жалостно посмотрел в сторону детей, надеясь, что плохая игра убедит их оставить его под сенью кустарных листьев.

– Ну и черт с тобой, трус! – выкрикнула Ниса, с презрением посмотрев на распластавшегося на глинистой влажной земле парня. – Никто не будет мешаться под ногами. Девин,

следи за этим пройдохой, чтобы ничего дурного не вытворил, а мы с Браном отправимся за этими чудными лекарственными растениями.

Бран почесал свой слегка вздернутый подбородок и, кивнув своим мыслям, сказал:

– Нам нужно что-то оставлять по дороге, чтобы была возможность вернуться обратно и не заплутать в лесу. Что-то, что хотя бы слегка заметно в темноте.

Ниса, ни секунды не думая, с силой оторвала от подола и причудливых рукавов своего платья посеревшую от мокрой грязи, прежде меловую ткань.

– Это подойдет?

– Думаю, да. Мы можем отрывать по лоскутку и привязывать к ветвям деревьев. На темном фоне белая ткань должна выделяться, – заключил Бран, хлопнув своим кулаком по ладони другой руки.

– Мы пошли, а ты, Девин, будь начеку. Если что, кричи. Надеюсь, мы сможем тебя услышать и вернуться к этой прогалине.

Девин лишь неуверенно кивнул, прильнув к вздыхающей от боли Арин. Затем, когда Ниса и Бран наконец скрылись за корявыми ветвями жутких, чернеющих своими темно-зелеными иглами елей, он предался своим основательным соображениям. Все его мысли сейчас были направлены на одну лишь Арин. Он размышлял о том, почему до смерти, до исступления боится потерять эту маленькую рыжеволосую

девочку. В нем таилось пробирающее до самого основания чувство, заполняющее его до краев, подобно тому, как липкий каштановый мед заполняет дубовый бочонок. Нет, это было далеко не влечение первой, обманчивой влюбленности. Не симпатия к ее очаровательному личику с заплаканными темно-карими глазами, очаровывающими своей прозрачностью и легкой болезненной припухлостью. Не желание окунуться в ее благоухающую, бронзовую копну непослушных волос. Не влечение к ее юному телу с раздавшимися подвздошными косточками, теплой и липкой от пота веснушчатой шеей и слегка виднеющимся за тонким льняным платицем нежно-розовым, налитым переходным возрастом бюстом. Это было иное чувство, более сложное для ясного понимания. Ощущение настоящей ответственности за ее жизнь. Но отчего он был так полон этим желанием?

Посмотрев на вяло свисающие вдоль девичьего тела руки и слегка приоткрытый в стенаниях рот, Девин неожиданно осознал истинное происхождение своих чувств. Он будто вновь стал юным мальцом, упрямо читающим канон, стоя на ободранных коленках, и просившим Богиню Нанну о помиловании, о выздоровлении, о жизни. Арин была одухотворенным напоминанием о его давно покоящейся на деревенском кладбище под сенью цветущих румянцем кремово-розовых пионов младшей сестре Сьюлин. Тогда, семью годами ранее, он не смог испросить для нее прощения. Глядя в ее очаровательное личико, еще не успевшее принять окон-

чательную форму и стать по-настоящему девичьим, но уже увядающее на глазах, подобно бабочке-однодневке, от необратимой болезни, Девин не мог сделать ровным счетом ничего. Все семейство Линчей спешно готовило поминальную по еще не отошедшей в иной мир Сьюлин, пока он неустанно просил ее побороть тиф и выжить любой ценой.

Сейчас он был совсем не тем юным глупым мальчишкой, который уповал и сетовал на молитвы и бога. Девин знал, что может надеяться лишь на человеческие силы и возможности, а не на эфемерных повелителей мира. На собственной характер и недюжинную смелость.

– Я хочу немного вздремнуть. Покараулишь наш с Арин сон, крепыш? – ядовито бросил Фиц, перекатываясь с одного бока на другой. – Все же именно ты виноват в том, что я такой ослабленный.

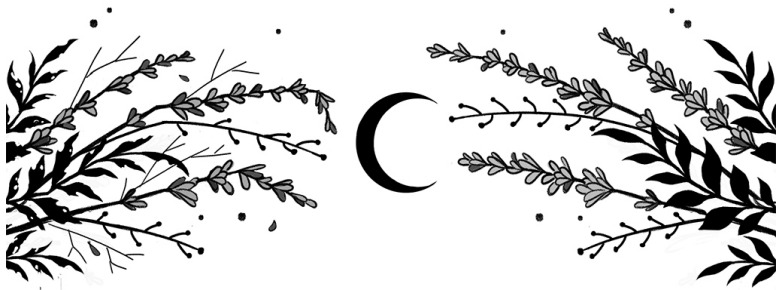
– Хорошо, – спокойно ответил Девин, не желающий снова натворить дел, о которых впоследствии станет жалеть. Ночь была ему не товарищем, а доверять свой покой и покой Арин такому человеку, как Фиц, было, как минимум, неразумно.

Оранжево-золотые ажурные листья, тихонько перешептываясь, спадали с древесных ветвей и, кружась в удивительно завораживающем танце, скользили над запрокинутой к звездному небосводу головой Девина. Казалось, лес таил в себе множество загадок и был одним чудным двуликим существом. Одно его лицо было мрачным и пугающим хвойным, вечнозеленым монстром, окутанным воем, цоканьем и

иными, угнетающими естество, животными звуками. А другое – девственно-ярким, бурым, алым и янтарным. Молодой девой, дарящей путникам мир и покой. И обе эти личности были по-разному, по-особенному притягательны для Девина, таившего в своей широкой душе толику романтизма и сентиментальности.

Ночь в бодрствовании обещала тянуться мучительно долго, но разве мог Девин, ощущая это безмятежное умиротворение, не поддаться сладким объятиям дурманящего разум Морфея?

Глава 5

Ниса и Бран спешно шли по темным закоулкам мрачного лесного лабиринта, попутно оставляя на каждой низко растущей ветви – будь то спаленное осенней сухостью дерево или всего лишь пушистый кустарник – оторванные светло-серые кусочки ткани. Они не знали, смогут ли отыскать необходимые для скорого излечения Арин травы, но чувство надежды и неутомимая тяга помочь борющейся с болезнью девочке вела их дальше, вглубь чащобы, несмотря на голод, жажду, свинцовую боль в мышцах и нечеловеческую усталость, вызванную долгой и мучительной дорогой. Глаза их с тяжелыми сонными веками вязко слипались, а увесистые головы коротко кивали, клонясь ко сну, и только мелко морозящий дождь слегка бодрил уставших путников сво-

ей леденящей осенней влагой. Пугающие звуки становились все громче, сбрасывая с себя ореол таинственности и постепенно обрастая мышцами, костями, кровью и плотью. Ниса часто вздрагивала при всяком, неожиданно проявляющемся лесном шорохе или хрусте, будто за каждым из чахлах кизиллов притаилось нечто опасное. Но вскоре понимала, что это злодей-ветер играет с ней в свою причудливую игру, стараясь спугнуть и довести девочку до умопомрачения. Прищурив глаза, она изучала густые глинистые овраги и маленькие, набухшие от сырости, омертвевшие кусочки коры, валяющиеся прямо под ее истоптанными в кровь ногами.

– Напомни-ка мне, Бран, что именно мы ищем? – спросила Ниса, умышленно нарушив царившую между ними оглушающую тишину.

Бран вздрогнул от внезапно обращенного к нему голоса, затем, быстро собравшись, дабы не разрушить иллюзию своей решительности, и немного приосанившись ответил:

– Я не совсем в этом уверен, но, кажется, доктор Рэй говорил однажды, что будра плющевидная помогает при переломах. Думаю, мы сразу ее заметим, если увидим. Это многолетнее растение выглядит как обыкновенный сорняк.

Ниса слегка сморщила свой крохотный белый носик, ей было холодно. Все ее льняное платье налилось мокрыми холодными каплями, затекающими под воротник, вышитый белой нитью, и доходящими до неприкрытых частей тела.

– Боюсь, это мне совсем ни о чем не говорит. Тут этих

сорняков пруд пруди и каким образом я должна понять, какой из них это бу... бу... Короче говоря, эта белиберда, а какой – обыкновенная амброзия?

Бран слегка усмехнулся. Порой он забывал, что далеко не всем людям известны виды, свойства и внешний вид различных трав и растений. Более того, подобных ему и лекарю Рюю, ведущему свою врачебную деятельность в Ардстро, людей, всерьез интересующихся травничеством, можно по пальцам пересчитать.

– Прости, что не ясно изъясняюсь, у меня это часто бывает, – сказал Бран, подойдя к девочке чуть ближе, чтобы она могла слышать его сниженный на полтона говор и хоть на минуту почувствовать себя в безопасности.

– У этой, как ты выразилась, белиберды фиалковые соцветия и крошечные ярко-зеленые лепестки, растопыренные во все стороны, отдаленно напоминающие четырехлистный клевер.

При упоминании изумрудного цвета Бран тут же почувствовал, как приятная боль кольнула его сердце. Он корил себя, что не смог сказать вслух «ярко-зеленые, большие лепестки, прямо как твои глаза, Ниса», но продолжал прокручивать это сравнение в своей голове.

– Также нам нужен дудник лесной как жаропонижающее и гусяная лапка. Она поможет снять боль.

– Мы будем искать в лесу гусей? Как лапа бедной птицы, которой здесь и в помине нет, поможет Арин? – переспроси-

ла Ниса, в изумлении приподняв брови.

– Конечно же, нет, – неуверенно ответил Бран, и его губы невольно тронула легкая улыбка. – Это такое растение – гу-
синая лапка или иначе лапчатка гусяная. Оно довольно рас-
пространено в лесистой местности, думаю, нам не составит
труда его найти.

– И все равно ничегошеньки не понимаю, – буркнула Ни-
са, опустив белесые, вымокшие под дождем ресницы. – Что-
ж, будем руководствоваться твоими знаниями. Все же Ава
не зря назвала тебя юным гением, – девочка немного дерну-
лась при упоминании имени хозяйки дома на отшибе леса,
ей до сих пор было довольно жутко вспоминать случившие-
ся с ними события.

– Разве можно доверять мнению чудной колдуньи? – на-
бравшись смелости и воспользовавшись их с Нисой уединен-
ным положением, позволил себе колкую шутку Бран.

Он искренне желал развеселить белокурую девочку. Сам
того не понимая, Бран был в полной и бесповоротной мере
очарован ею. Все в ней было для юноши невероятно чарую-
щим. Но более всего парня обескураживал ее сильный, да-
же совсем не принятый в женском обществе, характер. В его
груди, голове, да и во всем его существе зарождалось чув-
ство, но пока он о нем даже не догадывался. Брану казалось,
что все это игра. Игра его отвыкшего от общения разума,
подталкивающая к проявлению эмоций и симпатии к друго-
му, совершенно не походившему на него самого, человеку.

Ниса слегка усмехнулась. Кажется, этими словами он все же смог растопить эфемерную стену льда, ненадолго вставшую между ними.

Вой ветра усиливался с каждым шагом, пройденным путниками, колыхая оставленные на ветвях тонкие бесформенные полоски льняной ткани. Атмосфера была не самой подходящей для личного диалога, но Бран, осмелевший от своевременно брошенной сатиры, все же снова позволил себе высказаться.

– Ниса, послушай, я понимаю, что это совершенно не мое дело, но меня съедает любопытство, – аккуратно начал он, стараясь не отпугнуть девочку и не позволить ей увильнуть от его следующего вопроса. – Мне весьма интересно, почему вы с Фицем похожи друг на друга, как две капли воды?

Ниса отвела в сторону взгляд ярко-зеленых глаз и, сомкнув руки в тугий узел на груди, протяжно вздохнула. «Вот и все, теперь она просто закроется от тебя. Лучше бы ты вообще молчал», – пронеслось в голове у Брана, и огонек надежды на такое желанное им раскрепощение Нисы тут же погас в его груди.

– Это ты верно подметил. Мы двоюродные брат и сестра по материнской линии, – шепнула в ответ Ниса.

Было заметно, что этот разговор не доставляет ей ни малейшего удовольствия, более того, если бы не их уединение, она бы вовсе не стала на него отвечать. Но в белокурой красавице таилось и иное, совсем уж противоречивое чув-

ство, сокрытое глубоко в недрах девичьих мыслей. Создавалось ощущение, что Нисе жизненно необходимо было выговориться, рассказать о том, что ее гложет, что терзает ее разум. И раз на это фактически подтолкнул ее именно Бран, то он и должен стать человеком, которому можно доверить свою тайну.

– А я почему-то думал, что вы брат и сестра по крови. То есть, самые что ни на есть родные, – заинтересованно, но очень тактично заметил Бран.

– Лучше бы так и было, – хмыкнула Ниса себе под нос, продолжая смыкать над грудью обруч, сооруженный из собственных рук.

– Отчего ты так думаешь? Вроде бы у вас не самые теплые отношения, – сказал Бран, нервно потирая ладони, будто между ними был тонкий березовый прутик, и он ревностно пытался разжечь костер. Затем парень немного пришпорил себя, вспоминая о том, что доверие Нисы очень легко потерять. Каждое его слово может стать последним и развалить их диалог, подобно хрупкому карточному домику. – Я хочу сказать, что Фиц в целом такой... весьма недружелюбный тип, но между вами и того больше, словно черная кошка пробежала.

– Ну почти, за исключением того, что черная кошка в нашем случае – это моя упрямая мать, – томно вздыхая, ответила Ниса. – Он не всегда был такой отталкивающей занозой, как сейчас. Его характер резко изменился, когда я стала

ему докучать.

– Ты? Докучать? – недоверчиво переспросил Бран, стараясь не оборвать нить плотно натянутой струны их глубоко личной беседы. – Возможно, ты просто привыкла винить во всем себя, Ниса. Но поверь мне, ты одна из самых добрых и порядочных людей, которые мне когда-либо встречались.

Ниса сморщилась, будто опустила нос в банку с тухлыми слипшимися помидорами.

– Видимо, ты встречал на своем пути не слишком много людей. Может ли считаться издевательством то, что я подбила ему глаз, вырвала клочок волос на темени или сожгла в камине его любимые книги?

Бран опешил. Он не мог подобрать нужных слов, настолько невероятным ему казалось то, о чем с такой непоколебимой уверенностью говорила эта хрупкая девочка, съезживающаяся в клубочек от непрекращающегося дождя и каждого порыва осеннего бурного ветра.

– Но зачем? – только этот, казалось бы, совсем уж глупый вопрос сорвался с его губ.

Ниса вновь тяжело вдохнула в легкие морозный воздух. Каждое слово выходило из нее, без преувеличения, с великим трудом, и она старалась как можно дольше оттягивать и не признаваться в том, какой секрет таился в ее груди, какую боль она преодолевала, не говоря о нем вслух.

– Мы, Суини, весьма странное семейство, поверь мне на слово. Уже девятое поколение нашего рода сочетается бра-

ком со своими двоюродными и троюродными братьями и сестрами. Наши предки считали, что чем теснее связь будущих обрученных, тем лучше это скажется на потомках и тем правильнее это в целом для всей династии. Единственным табу является женитьба единоутробных, потому как это портит кровь, – спешно протараторила Ниса, стараясь не смотреть в сторону Брана, оторопевшего от прилива крови к голове.

На мгновение она почувствовала, как с ее хрупких плеч спадает неподъемный груз, будто она неспешно передает свои печали и страдания собеседнику, отпуская весь невыразимый негатив, накопившийся в ее полном волнения сердце.

– Моя матушка объявила мне о нашей с Фицем помолвке год назад. Не спросила, нет, просто поставила перед фактом. Либо так, либо постричься в монахини и пойти в служение к Брату Каллету.

Бран слушал ее рассказ и постепенно осознал, какую глубокую рану он открыл, словно своими собственными пальцами сковырнул струп, выросший над гнойной язвой. Ему становилось все хуже и хуже настолько, что он напрочь позабыл о случившемся с ними в эту страшную ночь ужаса. Забыл о собственных мучениях и скитаниях в Ардстро. Забыл о беспросветном одиночестве, голоде и мучительной жажде, сковавшей в тиски иссушенное горло. Забыл обо всем, кроме того, что Ниса принадлежала другому. Он не мог объяснить себе, почему уродливые, членистоногие су-

щества, несущие в своих мохнатых лапках уныние, скорбь и печаль, неожиданно стали расползаться по всему телу, самым бесстыдным образом забираясь в потаенные уголки его организма и оплетая их прочной ажурной паутиной отчаяния. Его голова закружилась, а ноги подкосились. На секунду он остановился на месте как вкопанный, предательские слезы подкатили к самому горлу, и он уже не мог ничего произнести.

Ниса, с головой погруженная в собственный рассказ, не смогла ощутить резкую перемену, проявившуюся в Бране. Полушепотом она все продолжала говорить, растягивая длинные, вязкие слова, словно само их заунывное звучание доставляло ей неимоверное удовольствие. Но парень ее уже совсем не слышал. Уши, будто от резкой смены давления, заложило напрочь, а буря гнетущих мыслей, разрывавшая сонную голову, не давала сосредоточиться на монотонной, как церковная молитва, болтовне.

– И Фиц обо всем этом знал еще задолго до того, как меня поставили в известность. Он сказал, что испытывает ко мне теплые чувства уже очень давно, – без остановки тараторила Ниса, продолжая свой неспешный ход. – А я всеми силами пыталась выжечь в нем эту любовь. Хотела, чтобы он отрекся от этого влечения, возненавидел меня так, как я ненавижу эту брачную затею, это бессовестное сватовство. Вот он меня и невлюбил. И стал таким... таким невозможно отвратительным. Я своими глупыми действиями пробудила в нем

эту уродливую сторону его души.

Закончив свой рассказ, Ниса внезапно осознала, что Бран остался на несколько десятков шагов позади нее. Его силуэт едва можно было различить в темной, непроглядной ночи.

– Эй, ты в порядке? – спросила она, подбежав к слегка поддрагивающему юноше, разгоряченному собственными дурными мыслями.

Ниса открыла рот от изумления, когда заметила неожиданно резкую перемену в его поведении. Бран слегка обмяк, исступленно прожигая глазами вымокшие, скользкие тропы, лихо путавшиеся между собой, но неизменно уводящие в глухую чащу запретного леса. Первое, о чем она подумала, было: «Неужели он отчаялся найти исцеление для Арин и боится идти дальше?».

– Прошу, не обращай внимания. Просто пытаюсь припомнить, что еще нам может пригодиться для врачевания, – сказал Бран, немного приосанившись.

Он ни в коем случае не желал показаться Нисе малодушным, робким и особенно навязчивым, подобно уличной собаке, надоедливо вьющейся под чужими ногами. Просто смешанные, словно настойка дико-ядовитых трав, чувства не позволяли ему ровно дышать.

– Ты точно в по... О, неужели это оно? – неожиданно всплеснула руками Ниса и, оставив скорчившегося от чувств Брана, побежала в сторону темно-зеленого пушистого кустарника. – Смотри, Бран, кажется это то, о чем ты говорил.

Та самая белиберда плющевидная. Все в точности, как ты и описывал! – хлопая в ладоши, радовалась девочка.

Бран, отринув свои горестные чувства, сжигающие его изнутри, до более подходящего на это времени, подошел к Нисе и, опустившись на колени, почти прошептал:

– Да, это именно будра. То, что нам нужно. Ты молодец, Ниса.

Ниса легонько улыбнулась, будто окрыленная сброшенным с хрупких плеч грузом. Довольная собой, она стала быстро охапками срывать кустистую траву. Бран неосознанно положил свою ладонь на ее запястье, и они мгновенно встретились взглядами. Его прозрачно-серые, слегка опухшие в тонких подтеках соленых слез, залегших у нижнего века, глаза и ее – такие яркие изумруды, до нельзя наполненные жизнью и цветением первой весны. На Нису внезапно нахлынуло ощущение чрезмерной признательности и нелепого смятения. Этот странный с виду жест оказался для нее на удивление приятным, а глубоко внутри зародилась надежда, что за этим, таким многозначительным в их уединении движением последуют какие-то очень важные слова. Ниса до конца не понимала, чего именно она ждет, но этот факт ничуть не мешал ее сердцу так взволнованно трепетать, так учащенно биться.

– Я хотел сказать, что нельзя вот так срывать лишь верхушки, нужно вырывать будру с корнем, он нам еще пригодится... для Арин, – спешно убрав свою вспотевшую ладонь с

тонкого, немного костлявого запястья Нисы, сказал Бран. – Вот так, смотри, – затаив дыхание, он стал показывать и рассказывать о том, как именно нужно собирать это цветистое растение.

Но Ниса уже совсем этим не интересовалась, она продолжала впиваться взглядом в заинтересованного чудным занятием мальчика. «Он словно не от мира сего, совсем загадочный. Будто и не человек вовсе, а какой-нибудь эльф или элиген из древних мифов», – подумала девочка, приобщаясь к монотонной работе и собирая сорванные корешки в карманы своего грязного платья.

– Вот и все. Этого должно хватить, – сказал Бран, снова обратив свое задумчивое лицо к Нисе.

– Замечательно, – нервно выпалила Ниса, ярко улыбнувшись.

Она до сих пор желала выудить из юноши хоть одно веселое словечко или получить какую-либо эмоциональную реакцию на свой трогательный, душевный рассказ. К ее разочарованию, ничего не последовало. От этого груз, иллюзорно переданный ею Брану, просто-напросто всей своей тяжестью возвратился обратно на ее слабые плечи, залег глубоко в ее душевных ранах.

– Это действительно чудесно. И что ты там еще говорил? Гусиная лапка? Ну так чего же мы ждем? – продолжала тараторить Ниса.

Резко выпрямившись, девочка быстро зашагала в лесную

мглу, всеми силами стараясь скрыть вновь возникшее между
ею и Браном звенящее напряжение.

Спустя пару часов практически безрезультатного блужда-
ния по кустистому бору Бран остановился и, опершись рука-
ми о дрожащие от усталости колени, сказал:

– Ниса, кажется, я чувствую мускусный дух.

Ниса повернула голову и, немного скривив лицо в непо-
нимающей гримасе, ответила:

– Мускусный дух? Ты о чем?

После того как непрекращающийся дождь, утомленный
проделанной работой, все же перестал стучать о глинистую
лесную почву, Бран смог глубоко вдохнуть в легкие воздух,
наполнив их самыми различными причудливыми и дикими
ароматами: мокрой от сырости травой, которая пахла свежи-
ми огурцами и едкой углеродной горечью; вечнозелеными
листьями копытня, походившими на жирных скользких ля-

гушек, что благоухали черным пряным перцем и холодной древесной камфорой. Бран невольно отметил про себя, что доктор Рэй неоднократно говаривал о том, что это растение в народе именуют не иначе как лесным перцем, и нисколько не ошибся. Ароматы природного окружения, смешиваясь воедино, играли свою причудливую симфонию и создавали в обонянии Брана нечто вроде травнической библиотеки, из которой он мог с легкостью выделить то, что ему было необходимо. Нотки прелых осенних листьев окутывал легкий дурман березовой коры, а еловые иголки и крупные шишки, мелко хрустящие под ногами, подобно первому свежему снегу, выделяли из себя неимоверно сладкий, смолистый дух эфирных масел. Но сердцем этого аромата, его душой оставался терпкий землистый петрикор, лихо витающий по всему лесу и слегка щекочущий ноздри юноши. Где-то далеко за стеной плотных ароматов скрывалось нечто неимоверно экзотическое, практически неуловимое. Оно витало над остальными запахами, как белое лебединое перышко над глубоким безмятежным озером.

– Кажется, нашел. Надеюсь, это все же она... ангелика, – выпалил Бран, поспешно свернув с залитой перегнившей листвой тропы.

– Ангелика? О чем ты вообще толкуешь, Бран? – прикрикнула Ниса, стараясь догнать быстро несущегося к цели мальчика.

– Ангелика – это и есть дягиль, – ответил Бран, отодвигая

пушистые, низкорастущие кроны и пробираясь все дальше в глушь.

– Дягиль? Этого вроде не было в нашем списке, – начала настаивать Ниса, в уме перебирая озвученные Браном названия трав и не до конца понимая, что он такое замыслил.

– Дягиль – это и есть дудник и ангелика. У растения всего три названия. Одно из них объясняется занимательной, на мой взгляд, легендой. Как-то весной во времена свирепствования чумы монахи нашли это растение у самого подножия монастыря и приняли его за дар архангела, в день поминовения которого и появилась эта лечебная трава. Этот дар они истолковали как средство для борьбы с болезнью и стали жевать его, поэтому послушники дали ему такое чудное название «ангелика». Позже стало понятно, что трава неспособна вылечить от чумы и прочих тяжелых расстройств, тем не менее это ничуть не умаляло ее целительного действия и антисептических свойств.

Ниса молчала. Брану на секунду показалось, что девочка вовсе затерялась в пушистых ветвях хвойных вечнозеленых исполинов, но, обернувшись, понял, что она стоит неподвижно, глядя вдаль прямо на небольшой холмик, на котором Бран, доверяя своему тонкому нюху, надеялся отыскать дудник.

– Ниса, ты уже заметила его? Чего тогда молчишь? – спросил Бран, легонько тряся белокурую девочку за плечо.

Она продолжала молчать, словно бы вовсе не слыша слов

юноши.

– Ниса! – прикрикнул Бран, и тут же его рот был закрыт девичьей вспотевшей от длительного пути ладошкой.

– Да замолчи ты уже, дурень! – шикнула на него Ниса, продолжая смотреть на небольшой холм. – Смотри, там что-то движется. Кажется, какое-то животное.

И вправду, переведя взгляд, Бран заметил, как большая круглая тень, прислонившись мордой к основанию травы, пытается вырыть и съесть ее жирные корни. Существо, похоже, не замечало их и продолжало неспешную трапезу, издавая хрюкающие и шаркающие звуки.

– Теперь я поняла, что это такое, – шепотом сказала Ниса, продолжая закрывать и без того немногословный рот товарища. – Еще до того как лес стал запретным, люди из Ардстро пытались вырубить и приобщить плодородные, еще неблагоустроенные территории. Мой отец частенько ходил сюда поохотиться со своими приятелями. В один из пасмурных вечеров он-то и притащил с собой страшную клыкастую морду в сетях. Отец тогда сказал, что из-за того, что споткнулся о корень дерева и навзничь упал лицом в сырую глину, животное чуть не забодало его насмерть. Он тогда был жутко зол из-за своего позора, так как из-за этого дурного происшествия и неприкрытого отцовского дилетантства другие охотники распорядились отдать ему лишь голову мохнатого страшного зверя.

Бран попытался ответить, но рука девочки, закрывающая

его обсохшие от непогоды губы, позволила лишь промямлить что-то маловразумительное.

– Ой, прости уж, – поспешно убрав ладонь, сказала Ниса. – Так вот, отец тогда сказал, что деревенские именуют животное диким кабаном. И что с ним нужно быть очень осторожным. Одно неверное движение и он может сорваться, как бешеный пес с цепи, – закончив свою речь, девочка, поддавшись собственным страхам, невольно отошла за тощую спину Брана, ища в нем заступничество и какую-никакую опору.

– Дикий кабан, значит, – медленно произнес Бран, польщенный тем, что Ниса разглядела в нем эдакого доблестного рыцаря. – Ну что-ж, тогда стоит немного повременить со сбором ангелики. Надеюсь, он не растопчет ее своими копытами.

Подростки уместились под одной из пушистых малахитовых елей, полагая, что придется дожидаться ухода зверя во всяком случае, как минимум, минут двадцать. Но, к их удивлению, ждать совсем не пришлось. Спустя мгновение из крошечной темноты показался второй неясный в своих очертаниях силуэт, что был намного больше, выше и толще лесного кабана. Существо зарычало и ринулось в сторону опешившего вепря, попутно обламывая забористые сучья и ветви, размером и крепостью в разы превышающие даже жилистые ручищи Девина. Оно вцепилось зубами в жирную шею не успевшего дать отпор кабана так, что тот лишь издал утробный, прон-

зауший до мурашек вопль ужаса и сразу же скончался.

Ребята оторопело смотрели на происходящее. Если лесной кабан и мог стать небольшим препятствием на их долгом пути, то этот зверь, разорвавший его мертвую плоть напополам силой собственных лап, вполне мог оборвать и их жизни. Вряд ли они были в состоянии превзойти вепря в мощности бивней или твердостью шейных рельефных мышц, помогающих дикому животному держать такую горделивую осанку. Даже скорости им вряд ли хватило бы на то, чтобы сбежать от проворного кровожадного амбала.

– Свежее, мягкое, вкусное, – впиваясь зубами в окровавленную плоть, раскатистым басом проговаривало существо. – Морн! Еда! Агроб сам поймал! Агроб молодец! – выкрикнул зверь, потрясая огромной волосатой и порядком изгрызенной тушей. – Может Агроб считаться теперь настоящим воином, таким как Морн? Может Агроб рассказать вождю о своей победе?

Когда Бран и Ниса заприметили это совсем потустороннее на их взгляд существо, им и впрямь показалось, что более крупных зверей в лесу попросту не могло водиться, что это редкое явление: животное-переросток, неизвестно как вообще появившееся на белый свет. Оказывается, они ошибались. Из тени выплыл еще один, подобный первому, матерый хищник. Его клыки своей желтизной превосходили даже цветастые канареечные перья лесных птиц, а рот был настолько огромен, что, казалось, он мог с легкостью поглотить

само солнце.

Длинная копна ржаво-рыжих засаленных волос, стянутых металлическими, грубо обработанными кольцами, жидко липла к непропорционально огромному вытянутому черепу, а чудовищный горбатый нос явно походил на каплевидный корабельный бульб, поэтому казалось, той кожи, что покрывала его жирные хрящи, было недостаточно, оттого она и залегла плотными складками у самого его основания. На чудовище было накинуто нечто вроде плаща, грубо сшитого из лежащих впритык друг к другу высушенных лисьих шкур, а в районе мощного бедра острием книзу торчал странный изогнутый кинжал, похожий на медный серп, которым в Ардстро частенько косили траву и собирали небогатый урожай с бесплодных земель. Сейчас они ясно осознали, что эти монстры по своей природе, по своему весьма пугающему облику находятся где-то на грани между человеческой расой и родом зверей.

– Что тут у нас? – наклонившись к сородичу, не менее басовитым голосом спросил диковинный зверь, опираясь мощной шипастой кувалдой о глинистую почву. – Кабан? Этого мало. Малышу Агробу нужно убить хотя бы обыкновенного лесного волка, тогда он сможет с гордостью представить добычу вождю. Кабан – это позор, – продолжал поучать монстр.

У Нисы и Брана было ощущение, что это обыкновенные отец с сыном, вдвоем отправившиеся на лесную охоту, но

разве обыкновенный ребенок мог бы так пугающе молниеносно разорвать труп животного? Разве были бы у простого отца такие острые клыки и такая гигантская пасть?

– Помнится, я говорил Агробу о том, что тролли уже пару десятков лет как не жрут сырого мяса. Только огонь может сделать плоть вкусной. Есть кабана сырым – портить еду, а этого вождь Драйк не прощает, – исподлобья глядя на соплеменника, проговорил Морн.

Ниса тихо взвизгнула, когда услышала слово «тролли». Благо, ветер дул настолько сильно, что сыграл детям на руку. Дрожа всем телом, девочка закрыла себе рот ладошкой, с нескрываемым ужасом глядя в прозрачные светло-серые глаза Брана, который, к ее изумлению, оставался сдержанным. Он с интересом изучал неясные тени, будто ученый, увлеченный собственным захватывающим экспериментом.

– Но Агроб так хотел... так хотел, – начал всхлипывать зверь, запинаясь на каждом грубо брошенном слове.

От этого его сородич стал постепенно терять терпение, а после очередной порции выкриков не сдержался и отвесил Агробу конскую затрещину, после чего взял его за шкуру и принялся остервенело трясти.

– Слушай сюда, мелкий засранец! Ты никому не расскажешь о том, что поймал вепря. Тогда Драйк не станет лишать нас еды!

Несмотря на свои внушительные размеры, младший тролль словно обмяк под испепеляющим взглядом своего на-

ставника.

– Агроб все понял. Агроб не станет хвастаться вождю и не будет есть холодное кровавое мясо.

– Ну что-ж, тогда пойдем сейчас же убьем волка, – громогласно заключил Морн, взяв сородича под локоть и оставив окровавленное тело убитого кабана гнить на сырой холодной земле возле ангелики, и шагами-исполинами затопал в сторону темной лесной тропы. – Сегодня на небо выйдет полная луна. В прошлую полную луну была очередь Роха, значит, эта ночь с родительницей Лейлой будет точно моей, – громкие голоса, больше походившие на лошадиное ржание, как и сами их носители, стали постепенно растворяться во мгле звездной ночи, сжираемые еловыми ветками и темным, как черная дыра, мраком.

Некоторое время до детей, спрятавшихся за стволом пушистой ели, продолжали доноситься почти неразличимые выкрики, уносимые ветром, и длинные, грохотавшие как весенний гром, фразы, последней из которых была:

– Моя первейшая ночь с родительницей, представляешь, Агроб? Вот уже третий месяц, как я надел кинжал и Лейла перестала быть мне матерью, как тебе и прочей мелюзге. Она теперь мне самая настоящая жена. Все это время я ждал своей очереди, и наконец она настала. Хочу принести своей любимой самого матерого лесного волка из всех. Придумал, убьем волчьего вожака, есть у них такой, а, Агроб?

Когда существа полностью скрылись в лесном сумраке, а

их голоса растворились в туманной глуши, Ниса позволила себе оторвать маленькую ладошку от губ Брана и в полную силу вдохнуть промерзлый воздух, будто пытаясь всосать в себя весь выделяемый раскидистыми вечнозелеными деревьями и пышными кустарниками кислород.

– Тролли? – воскликнула она, уже не стараясь сдерживать накопившийся в сердце страх. – Разве они существуют? О боже, как же я могла быть такой дурой! Мойра Куин говорила правду, которую от нас пыталась скрыть вся деревня, Бран!

– Тише, Ниса, замолчи, – серьезно ответил Бран, вставая с места и направляясь к месту, окропленному черной жертвенной кровью дикого кабана.

– Ты куда? Совсем обезумел? С этой пустой поляны тебя можно будет легко заметить, – продолжая дергаться, как сорванный с материнской ветви осенний листок, спросила Ниса.

Бран с холодным сердцем и нечеловеческой отвагой, будто вовсе не слышал здравых наставлений Нисы, продолжал медленно, обходя каждый пологий камешек, встретившийся на пути, шагать в ту самую сторону, на которой произрастала обдуваемая бешеным порывистым ветром лекарственная ангелика.

Дойдя до места, юноша стал горстями, непривычно небрежными для себя движениями срывать траву то с корешками, то без них и поспешно, словно затаившийся в доме

воришка, класть добычу в широкие карманы льняных штанов. Закончив с собирательством, Бран перевел взгляд на более неестественную, неправдоподобно жестокую сцену. Завороженный весьма омерзительным для обычного человека зрелищем разорванного, вывернутого наизнанку жирного вепря, он смотрел на куски мертвой плоти, разбросанные по сырой глинистой почве, темно-багровые капли, что, подобно яхонтовым рубинам, дрожали на снежно-белых соцветиях истоптанного копытами дудника и на раскрытую клыкастую пасть, застывшую в последнем предсмертном крике. Он и не заметил, как несколько долгих минут таращился на удивительно чудесную, по-особенному очаровательную, по его мнению, картину. И лишь когда пьянящая услада разлилась по его обессиленному телу, наливая его обделенные крепкими жилами мышцы и вновь наполняя его животной силой, мальчик внезапно осознал, что это ненормально, неправильно так искушаться подобным кошмаром, но никак не мог остановить свое тело, трепетавшее от абсурдного желания. В навязчивом исступлении Бран стал тянуть свои тонкие руки к холодным, скользким органам обескровленного животного и, лишь дотронувшись до них, был в полной мере удовлетворен собой. Чувство, захватившее его затуманенное сознание, было таким же неотступным, как в тот момент, когда он стоял неподвижно, замороженный изуродованным телом злой ведьмы. Дух свежей плоти проникал в его ноздри, щекотал обоняние, словно бодрящие родниковые воды, стека-

ющие тонкими струйками со скалистых гор, и он был в полной мере одурманен им.

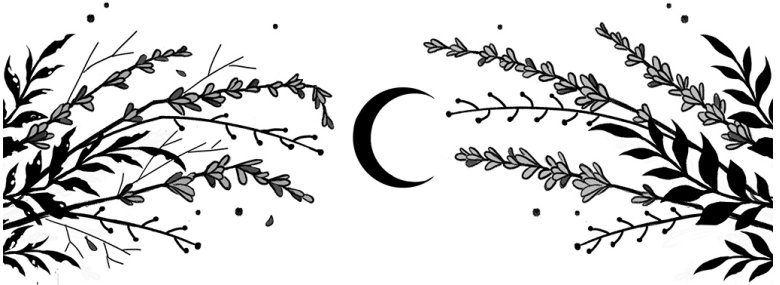
– Бран, прошу тебя, прекрати собирать эту чертову траву! Нам нужно бежать обратно на поляну к ребятам. Мне страшно, – умоляюще воскликнула Ниса, пытаясь говорить в такт промозглому ветру, чтобы тот смог с легкостью унести ее тонкий голосок и, подобно праху, развеять его по запретному лесу.

Бран, не обращая внимания на ее стоны и вящие мольбы, засунул свою испачканную вязкой лесной грязью руку между пропитанными зловонным секретом внутренностями вепря, в исступлении пытаясь найти истерзанную сердечную мышцу. Он не знал, зачем ему это нужно, но дурман, царивший в его душе, словно старинный друг направлял его, увещевал и подсказывал, что это верный шаг, что ему это действительно необходимо. И вот оно, красное кровавое сердце, еще недавно бившееся и гонявшее жизнь по ныне бездыханному телу! Еще не успевшее остыть, приятное, гладкое, с исходящими от него жирными трубовидными сосудами. Он стал с силой сжимать его, словно стараясь вновь оживить растерзанного в клочья кабана.

– Бран, что ты делаешь? – с нешуточным испугом спросила Ниса, глядя на загнипнотизированного, неподвижно сидящего у трупа животного товарища. – Если ты сейчас же не вернешься, клянусь, я крикну на весь этот трижды проклятый лес.

– Прости, уже иду, – отпустив гладкое сердце, юноша нехотя поднялся с колен и почувствовал, как дикое желание изучить омертвевшее тело, нерадиво брошенное на поляне чудовищными троллями, постепенно отступает, сменяясь обычным человеческим страхом и желанием скорее покинуть это забытое богом место.

Глава 6

Девин открыл глаза, когда сквозь сон услышал, что стоны Арин заметно участились, а тихие всхлипы превратилась по-настоящему в пугающую хриплость. Вместе с тем, кажется, девочка испытывала ужасную боль, потому как ее тело неистово боролось с поразившей ногу инфекцией, постоянно повышающей температуру. Парень слегка оперся руками о землю, стараясь как можно скорее выйти из сонного состояния, но глаза предательски слипались, а изо рта частенько вырывались умиротворяющие зевки. Не успел он обрести трезвый рассудок и опомниться, как услышал непривычно тихий голос Фица, сидевшего поодаль на удивление с серьезной физиономией. У него был довольно уставший вид, будто он вовсе не смыкал век и не удосужился хотя бы немного

отдохнуть. Золотистые пряди, вымазанные черной грязью и вязкой запекшейся кровью, нелепо свисали со лба жирными сосульками, слипались на макушке, будто натертые отборным свиным салом.

– А ты, вижу, зря времени не терял, приняв безответственное решение прикорнуть со своей зазнобой. Тем не менее сейчас это уже не имеет никакого значения, – едко бросил Фиц, искоса глядя на Девина, старательно трущего смуглыми руками заспанные глаза. – Я не уверен, но, вероятно, наши добытки не успеют вернуться вовремя. Сейчас уже около трех ночи, а их по-прежнему нет. Нужно готовиться к худшему.

Девин мотнул головой, пытаясь понять, о чем толкует этот самовлюбленный мальчишка.

– К худшему? Что такое ты несешь? – спросил Девин и перевел свой взгляд в ту сторону, где почивала истекающая потом рыжеволосая девочка. Ее щеки нездорово пылали, веснушчатое искривленное болью и жаром лицо было повернуто набок, а приоткрытые побелевшие губы стали сухими от неистовой жажды. Сейчас она была похожа на окутанную Морфеем прекрасную принцессу из сотню раз пересказанных благодетельными матерями детских сказок, наивно ожидающую отнюдь не поцелуя храброго принца, а лекарства, воды и теплого крова.

– Я сейчас же отправлюсь за ними! – вскочив с места, воскликнул Девин, тая в своей душе злость и отчаяние.

– Девин, возможно их уже нет в живых, – хлестнул его словами Фиц, печально опустив взгляд своих светло-голубых глаз. – Тебе нельзя туда идти.

Жилы на лице Девина напряглись, Фиц своим наигранным видом раздражал его сильнее, чем собственное бессилие.

– Хватит притворяться, эгоист! Тебе абсолютно все равно, что ребят может быть уже нет в живых. Ты печешься только о собственной жалкой шкуре!

– Ты не прав, Девин, – уверенно парировал Фиц, понапрасну сжимая кулаки. – Там не только этот бестолковый, играющий в гения ботаник. Там Ниса. И поверь, мне ужасно больно от своих мыслей. Я ненавижу, презираю свою глупость не меньше, чем ты, – мальчик хлопнул себя по лбу, как бы указывая на то, что жить в собственном теле и сознании ему просто-напросто очертело.

– Думаешь, я поверю, что тебе не плевать на Нису? Не знаю, что между вами случилось, но с уверенностью могу заявить, что ты терпеть ее не можешь, – твердо ответил Девин, не оставляя попыток пробуравить приземистого парня взглядом.

Между ними вновь запылала новыми искрами непримиримая вражда. И создавалось ощущение, что очень скоро они перестанут сдерживать этот обжигающий грудь пыл и накинутся друг на друга, начнут остервенелую битву, которая прекратится лишь тогда, когда один из них перестанет

дышать.

– Я не собираюсь что-либо тебе доказывать, крепыш. Скажу лишь то, что я... я... Да черт с ним, ты все равно ничего не поймешь.

– Ты даже и не пытаешься продолжать свою плохую игру. Как и ожидалось от такого недомерка, – Девин сплюнул на землю скользкую слюну и, многозначительно оценив взглядом Фица, уставился на ту самую тропу, вдоль которой с кривых ветвей свисали ленточки из полотна оборванного льняного платья Нисы.

– Я пошел, а ты продолжай занимать себя бесполезными попытками представиться нормальным человеком.

Когда Девин спешно зашагал в чащу, чтобы отыскать затерявшихся ребят, Фиц еле слышно окликнул его:

– Мы с Нисой обручены, болван. Она моя невеста и моя кузина.

Фиц выдержал небольшую паузу, давая Девину понять, что для него это не просто слова, что сказанное имеет весомое значение даже для такого черствого на первый взгляд человека.

– Более того, я влюблен в эту вздорную девчонку. Влюблен с самого детства.

Девин недоверчиво обернулся, глубоко в душе понимая, что вряд ли Фиц стал бы врать таким нахальным образом прямо ему в глаза.

– Если бы не эта ситуация, то вскоре она стала бы моей

женой. Только вот ей этого совсем не хочется, потому она меня так сильно презирает. Но когда я замечаю в ней это чувство, то, как она ведет себя со мной, я просто... я... в общем, это уже совсем неважно.

– Хочу отдать должное, у тебя неплохо выходит изображать из себя гадину и бессердечную занозу в наших задницах, – борясь с противоречивыми чувствами, сказал Девин. Он все еще не мог понять, для чего мальчик стал досаждать всем остальным, если цель его едкого характера – одна Ниса.

– Я пойду с тобой, – внезапно сказал Фиц, поднимаясь с холодной земли. – Не смогу сидеть здесь один, то есть, почти один, – неуверенно добавил он, с жалостью посмотрев на часто вздыхающую от немоги и жуткой инфекции Арин.

– Нет, нельзя оставлять ее одну. Она не умрет, – ответил Девин, рукой останавливая расхрабренного светловолосого юношу. – Я не позволю этому случиться.

– Тогда нам нужно... нужно... – не успел договорить Фиц, как из кустарников, отодвигая руками кедровые назойливые ветви, показались две еле заметные в густом сумраке тени.

– Они вернулись! – радостно воскликнул Девин, и улыбка, бодрящая своей приятной лучистостью и наивной детской радостью, тронула его смуглое лицо. – Это ведь точно они?

Фиц слегка попятился, кажется, он совсем не был уверен в том, что это их заплутавшие путники, а не какой-нибудь дикий зверь.

– Держи, – он кинул Девину поднятый с земли острый ка-

мень. – На всякий случай.

Девин подхватил оружие и стал в стойку, подготовившись к возможным неприятностям. Лес, в котором он провел недолгое время, уже успел закалить его искренне добродушный характер, огранивив его до, казалось бы, нелепого бесстрашия. И он сам не понимал, к добру ли это.

Их самые худшие опасения, к счастью, не оправдались, и в таком странном воинственном положении их застали запыхавшиеся от быстрого бега Бран и Ниса.

– Ну что? Вы нашли растения, которые помогут Арин? Ей совсем плохо, – сразу же накинулся на них Девин с неуместными расспросами.

Фиц легонько толкнул его в плечо.

– Да подожди ты, крепыш, не видишь, они не в себе. Что с вами стряслось?

Ниса оперлась руками на колени и пыталась отдышаться и успокоить биение сердца.

– Тролли... Там были настоящие тролли! – неожиданно резко вскрикнула она, переводя дыхание.

– Тролли? – недоверчиво переспросил Фиц, при этом его губы мелко дрожали, а белесые брови нервно сомкнулись на переносице.

– Потом это обсудим. Сейчас есть дела поважнее, – Бран на удивление быстро собрался и быстрыми шагами направился к покрывшейся скользкими каплями пота Арин. – Ниса, дай мне будру плюшевидную, сейчас же!

Ниса подбежала к нему и, вывернув наизнанку карманы своего испачканного грязью платья, вручила юноше собранное ею на одной из темных лесных полян добро. Бран стал обламывать зеленую хрустящую траву, сок летел во все стороны, окропляя его задумчивое лицо. Он, как настоящий травник, мастер своего дела, освобождал жирные корни от сырой почвы и ненужных фиалковых соцветий, затем тщательно пытался запихнуть их в слегка приоткрытый рот побледневшей от болезни Арин.

– Не выходит, она не может проглотить это. Думаю, у нее напрочь пересохло в горле, а корешки слишком большие и сухие. Мне нечем их перетереть, – выпалил Бран, старательно хлопая ладонями по бесчувственному лицу рыжеволосой девочки. – Она без сознания и, кажется, ее уже нельзя привести в чувство и заставить съесть что-либо, она просто-напросто подавится и умрет.

– Боже, неужели мы опоздали? – всхлипывая на каждом слове, спросила Ниса и мелкая россыпь блестящих слез потекла по ее испачканному лицу. – Сделай же что-нибудь, Бран! Ты же говорил, что можешь помочь! Ты же говорил, что хочешь стать врачом, отчего тогда ты молчишь?!

Фиц потупил взгляд, не в силах что-либо сказать. Любое его слово могло причинить окружающим боль, сейчас он был подобен красной шелковой тряпке для диких бойцовых быков. Молчание было лучшим выходом в сложившейся ситуации и одновременно наихудшим, так как он не мог поддер-

жать словами отчаявшуюся найти подспорье Нису.

– Бран, ты просто бесполезный кусок дерьма! – в исступлении воскликнул Девин, дрожащими руками схватив парня за ворот рубахи. – Если она умрет, я просто... я тебя... я... я...

Неожиданно Девин расплакался, как маленький ребенок. Злость и нескрываемая агрессия ушли на второй план, осталась только по-настоящему детская часть его души, наивно полагавшая, что Арин можно хоть как-то спасти, что ее юное тело не будет лежать в сырой земле под сенью нежно-розовых пионов, подобно телу его сестры Сьюлин.

– Мне очень жаль. Правда, жаль, – опутив голову, сказал Бран.

Он вспомнил, что доктор Рэй частенько говаривал о том, что лекари и травники далеко не всемогущи, они отнюдь не боги и не ниспосланные небом жрецы, что есть некоторые неразрешимые случаи, когда людям по воле судьбы и провидения суждено покинуть этот бренный мир.

Ниса уткнулась маленьким курносым носом в пушистую копну оранжево-рыжих волос подруги. Жизнь покидала эту маленькую, еще не успевшую как следует окрепнуть, нежную оболочку девственно чистой души.

Беспокойная черная пелена ночного леса постепенно сменялась пунцовыми, светло-бордовыми красками. Лунное звездное время суток занималось яркими, живительными рассветными лучиками, освещающими своим мягким сия-

нием темные кривые ветви, являя темно-зеленые, красные и оранжевые краски поздней осени. Из сереющей темени постепенно проступали неясные очертания окружающего мира. Природа оживала, вдыхала в себя чистый дневной воздух и безропотно подчинялась нынешним, сызнова вступившим в силу правилам. Рождался новый день, стараясь унести все неприятности и невзгоды, принесенные мраком жестокой ночи.

– Рассвет, – сказал Бран, внимательно всматриваясь в проступающие насыщенные тона леса. – Рассвет! – вскрикнув, повторил он, вскочив с глинистой мокрой почвы и отряхивая заляпанные ею колени.

Ниса, отстранившись от Арин, исподлобья посмотрела на Брана. Как он мог всерьез радоваться приходу солнца, когда на его глазах погибает человек?

– Это поляна! Понимаете, о чем я? – Бран взглянул на отстраненные, скорбные лица детей, затем чуть тише, но не менее задорно добавил: – Ну, конечно, вы не понимаете!

– Что ты, черт возьми, несешь? – с нескрываемым презрением спросил Фиц, не в силах сдерживать молчание, которое искренне желал сохранять до того момента, пока эта несчастная, несправедливая ситуация не разрешится.

– Сейчас все сами увидите! – продолжал торжественно восклицать обычно серьезный и практически безэмоциональный Бран.

Когда поляна полностью покрылась нежно-розовым, пер-

ламутровым и янтарным отсветом приветливого октябрьского солнца, когда певчие дрозды залились звонким щебетанием, когда лес переродился и снял маску страшного, злого монстра, перевоплотившись в чудесную юную малахитовую, морковную, бурую деву, на ней абсолютно волшебным образом стали прорастать рассветные камелии, раскрывая сочные бутоны навстречу солнцу, жизни, бодрящему цоканию и трелям пернатых голосистых певцов.

Бран, сорвавшись с места, стал аккуратно собирать пурпурные соцветия, улыбаясь самому себе и двойственности чудной лесной природы. Он подбежал к практически неподвижной, как восковая скульптура, Арин и, сорвав чудесный лепесток, опустил его на побелевший от жара язык девочки. Практически мгновенно он растворился и спустя несколько секунд на губах Арин проявился легкий розоватый оттенок, а щеки вновь стали наливаться жизненным соком.

Юноши в изумлении смотрели на происходящее волшебство, не доверяя собственным глазам. Арин воскресала, возвращалась из пучины болезненной бездны в их мир, в мир живых.

– Что происходит? Где я? – с легкой хрипотцой в ломком голосе спросила девочка, вдыхая ледящий легкие воздух. – Я ничего не понимаю. Очень хочется пить.

– Арин! – воскликнула Ниса, крепко обнимая еще слабую подругу. – Мы уже думали, что потеряли тебя!

Бран выдохнул – кажется, тот разговор с Авой все же был

ему необходим. Она чуть было не лишила Арин жизни, но одновременно знания, полученные Браном, излечили ее. Он благодарил хозяйку дома на отшибе леса и внезапно поймал себя на грешной мысли, что желал бы вновь увидеться с ней, поговорить о связующем их души деле, деле всей его жизни. Она явно могла передать ему множество сакральных травнических знаний, но, к сожалению, судьба распорядилась иначе.

Девин и Фиц стояли поодаль, нелепо открыв рты в полном ошеломлении. Как в их до этих пор нормальном, естественно устроенном мире могло произойти нечто подобное? Юноши не могли приложить ума, а потому просто дивились волшебству, сотворенному самой матерью-природой.

Девина грызло изнутри, подобно яду, чувство жгучей вины, поэтому, лихо сорвавшись с места, он ринулся к витавшему в облаках собственных мыслей Брану.

– Прости меня. Я наговорил лишнего. Ляпнул, но не следовало. Надеюсь, я все еще могу рассчитывать на нашу дальнейшую дружбу?

Девину было неловко оттого, что своими брошенными в эмоциональном порыве словами он наверняка задел ни в чем неповинного человека.

– К-конечно, – заикаясь, ответил Бран, все еще представляющий свое блестящее будущее, задержись Ава в его жизни немного дольше.

Девин был удивлен, что сможет вот так легко заполучить

его прощение.

– Спасибо тебе, большое спасибо, – произнес Девин, пожав сухую ладонь сосредоточенного парня.

Бран, не привыкший к добродушным в его отношении человеческим проявлениям, не находил, что ответить, как поддержать беседу. Он просто не видел в этом особого смысла, потому как Девин сразу же переключил внимание на только что пришедшую в себя Арин.

– Хочется пить, – умоляла девочка. – У вас есть вода? Хотя бы немного, – ее голос скрипел от невероятной сухости.

Подростки потупили взгляды. Пить хотелось всем, но на лужайке ни родника, ни речки, ни чего-то хоть отдаленно напоминавшего воду не наблюдалось.

– Ты можешь идти, Арин? – аккуратно спросила Ниса, как бы страшась, что девочка излечилась не до конца, и болезнь, так быстро покинувшая ее тело, могла с легкостью лишить ее способности ходить.

Арин приподнялась на руках и немного неуверенно, но встала на ноги. Гематома, еще недавно зиявшая на ее колене, абсолютно магическим образом сошла на нет.

– Кажется, могу. Только слегка ослабла.

– Хочешь, я понесу тебя? – спросил Девин, вытянув руки на случай, если девочка неожиданно потеряет равновесие и рухнет на землю.

– Нет, не нужно, – ответила Арин, и от смущения ее щеки порозовели, подобно чайным розам.

Все же Девин был весьма учтив, даже слишком учтив для простого товарища по несчастью.

Своими чудотворными трелями птицы продолжали нести в налитую свежими красками жизнь любовь, надежду и оптимизм. И путники, зарядившись этим пением, чувствовали себя в безопасности, но все же осматривались по сторонам, ища подвоха, прислушивались к треску тяжелых ветвей и шуму осенней сухой листвы, пытаясь распознать в них враждебность, уловить вой дикого лесного волка или бурого медведя. Их не было, они ушли вместе с темным обликом чащи, затаились до прихода следующей ночи.

– Так что, говоришь, вы видели в лесу? – практически безэмоционально произнес Фиц, обращаясь к Нисе.

Для окружающих было ясно, что он вовсе не усвоил урока и продолжал вести свою неприятную им игру.

– О боже, Фицджеральд! Мы видели дикого кабана, а потом его в клочья разорвали тро... – трепеща всем телом хотела было договорить Ниса.

– Давайте поговорим об этом позже, – осадил ее Девин и многозначительным взглядом пытался дать понять опешившей девочке, что если Арин услышит про ужасных чудовищ, то может напрочь отказаться идти с ними дальше.

– Так кого вы видели? Мне тоже интересно. Что я пропустила? – слегка опустив золотистые ресницы, спросила Арин. Ее очень заботило, почему ребята утаивают от нее какие-то секреты, будто она не часть их команды, а одно

сплошное несчастье.

– Видишь, Девин, ей интересно. К тому же она должна иметь представление о том, что может ожидать нас на пути к Ардстро, – настаивала Ниса, сжав побелевшие от напряжения кулачки.

– Я согласен, что не стоит ей сейчас об этом говорить, Ниса. Это будет ошибкой, – вставил Бран, все же опасаясь, что его слова могут взбесить решительно настроенную девочку, вывести ее из себя и посеять между ними раздор.

– Ниса права. Я хочу знать, что с вами приключилось, пока я спала. Честно, ребята, я чувствую себя обделенной, – упорствовала Арин, подражая манере поведения своей весьма сильной духом подруги. – Ну не тролли же там были на самом то деле...

Ребята опешили, стараясь скрыть смущение. Теперь до Нисы дошло, почему Девин так старательно предостерегал ее от чудовищного рассказа. Тролли-людоеды – вот чего больше всего на свете боялась эта веснушчатая девочка, скрывающая свои страхи за яркой улыбкой. И если бы Ниса попыталась продолжить, то вряд ли эта затея кончилась бы для детей чем-то хорошим.

– Так вот, дикого кабана на поляне растерзали волки. Обычные серые волки, которые водятся практически в любом лесу, – соврала Ниса.

В мыслях она упрекала себя за то, что не смогла сказать Арин правды, потому как от девочки и без того многое скры-

вали. Если уж придется столкнуться с этими жуткими тварями, и Арин встретится со своим главным страхом, решила она, то пусть это случится наяву, а не останется пугающим рассказом из ее уст. Возможно, этого до мурашек пробирающего сценария вовсе не случится, и они все благополучно дойдут до Ардстро в целости и сохранности.

– Волки? Я их не боюсь, будьте уверены. Только зачем было такую чепуху скрывать от меня, ума не приложу, – беззаботно ответила Арин, окрыленная вновь пробудившимися в ней физическими и душевными силами.

Девин слегка кивнул, беззвучно благодаря Нису. Та лишь протяжно вздохнула, памятуя о том, какой ужасающей была эта ночь.

– Думаю, нам стоит найти какой-то источник или типа того, – начал Фиц, нелепо изображая из себя этакого предводителя группы путников. – Я скоро и говорить-то с вами не смогу. В горле такая пустыня, что, кажется, скоро того и гляди прорастут кактусы.

– А это верно, – утвердительно кивнув, сказал Девин. – Все же без воды мы долго не протянем, а собрать дождевую воду в ладоши как-то ума не хватило.

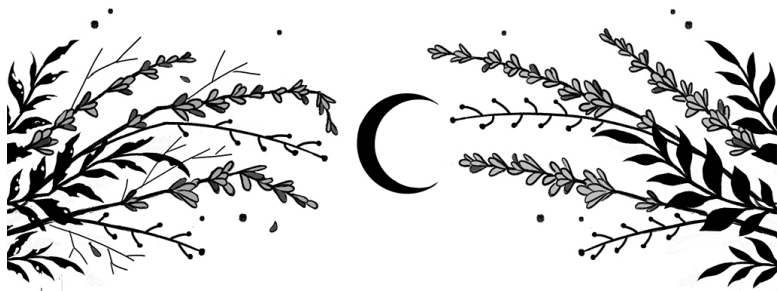
– Ты что скажешь, Бран? – обратилась к молчавшему юноше Ниса так, будто его мнение было для нее самым важным и без него она не сделает и шагу с этой поляны.

Бран явственно почувствовал легкое покалывание в груди от резко усилившегося ритма сердца.

– Я – за. Думаю, сейчас же и следует отправиться, – взяв в свои руки предводительские вожжи, ответил юноша.

Собрав все необходимое в карманы – а это были лишь травы, найденные детьми в лесу, да парочка бутонов рассветных камелий, которые спустя пару часов завяли, а после и вовсе превратились в пыль, – путники без страха направились в густую лесную чащу, надеясь поскорее отыскать живительный источник, а затем и свою родную деревню.

Глава 7

Целый день блуждая по лесным лихо переплетенным между собой тропам и вслушиваясь в заливные трели лесных камышовок да сладкое щебетание сладкоголосых соловьев, подростки и не заметили, как быстро опустился вечер и их путь осветился оранжевым померанцевым отсветом уходящего за горизонт солнца, заменяя девственно чистую зарю густым, полным багряной крови закатом.

Несколько часов они провели в пути, но безрезультатно. Так и не нашли ничего хоть отдаленно напоминающего источник. Еще вчера часто проливной, назойливый дождь с закрытым темными тучами небом уступил место безоблачному, яркому сиянию октябрьского вечера.

Еле переставляя ноги, путники добрались до еще одной

лужайки, на которой, по решению негласного командования в лице приземистого, не лишённого ораторского мастерства Фица, они решили заночевать.

– Хорошо хоть погода приятная, даже костер разводить не придется, – заметил Фиц, будто продолжая отдавать приказы направо и налево: где лучше прилечь, кто и когда будет дежурить, чтобы следить за безмятежным сном товарищей, защищая их от возможной угрозы.

– Будто ты это умеешь, – рассмеялся Девин.

С излечением Арин привычное ему чувство добродушия вернулось и наполнило его оптимизмом, с которым он провёл все детство и рос рука об руку до наступления юности.

– Не пререкайся. Я все-таки здесь за главного, – сдвинув пшеничного цвета брови, ответил Фиц, не обращая ни малейшего внимания на издевательский хохот приятелей.

– Первым стану дежурить я вместе с Девинком. Как зайдет солнце, на дежурство выйдет наш ботаник, – он с нескрываемой неприязнью взглянул на Брана, тихо сидящего рядом с пологим камнем. – Затем, когда станется заря, нас покараулят Ниса и Арин. Есть вопросы?

– Да, у меня есть, – серьезным тоном ответила Ниса, которую план Фица совершенно не устраивал. – А почему Бран будет дежурить один, да еще и в самый опасный промежуток времени?

– Да потому что он привык быть один, сам с собой. Так ведь, Бран? – издевательским тоном спросил Фиц, обраща-

ьясь к потупившему взгляд юноше.

Тот лишь слегка кивнул в ответ. Всегда, когда ему указывали на его место в обществе, даже среди сверстников, его покидала воля, а душевный источник, наполненный силами юности, и вовсе высыхал до самой земли, превращаясь в непроходимую пустыню. Он мог постоять за себя лишь в том случае, если оппонент не указывал ему на то, что он всегда был сам по себе, рос, как сорняк, среди ухоженного сада, наполненного яркими цветистыми бутонами. Это было клеймом, печатью, зияющей на его сердце, которую было невозможно снять и выбросить вместе с чувством вечного отчуждения и горького сиротства.

– Я могу подежурить с Браном, – вступился за юношу Девин.

Фиц недовольно сморщился, стараясь всеми правдами и неправдами подавить начавшееся против его командирского духа восстание.

– Крепыш, неужели ты забыл, что покалечил меня? – светловолосый юноша направил свой угнетающий взгляд в сторону Девина и стал давить его словами так, чтобы наверняка вызвать в нем чувство терпкой вины и бесплодного раскаяния. – Разве это не станет искуплением твоего проступка?

Девин молчал, ощущая, как прегрешение, совершенное им в порыве бури гневных эмоций, давит на него все сильнее, лишая возможности говорить то, что он на самом деле думает по поводу этой нелепой затеи.

– Ну, раз возражений нет, то будем действовать, исходя из моего плана, – ядовито улыбнулся Фиц, довольный собственной хитростью и способностью легко манипулировать своими товарищами по несчастью. – А сейчас предлагаю всем выспаться. Думаю, нас ждет долгая и, возможно, совсем неприятная ночь.

Когда круглое солнце медленно закатилось за край горизонта, а птичья трель сменилась долгим, заунывным воем лесных животных, Фиц, находящийся в превосходном расположении духа, небрежно пнул Брана, мирно склонившего голову на большой холодный камень.

– Вставай, дурень! Твоя очередь нести дозор, – исподлобья глядя на только что очнувшегося от сна юношу, заявил он. – Если что, предлагаю тебе кричать как следует, иначе мы можем тебя не услышать.

Едкая улыбка засияла на его круглом лице, издали напо-

минающем полную луну. Случай подставить Брана, выпавший ему так внезапно, доводил его практически до экстаза.

Бран лениво поднялся и, не сказав ни слова, направился в то место на поляне, где до этого несли дозор Девин и Фиц.

Светловолосый коротышка, как маленький дикий зверек, помечающий свою территорию, сразу же прилег на то самое место, где пару часов назад почивал Бран. У Фица на лице читалось чувство такого удовольствия, будто спать он будет не как странствующий путник на ледяном от ветра валуне, а как маленький избалованный принц на самых мягких перинах и подушках, сотканых из тончайшего шелка и набитых лебяжьим пухом.

Девин пару минут как прилег близ Арин и уже видел свой первый приятный сон.

Бран кое-как уселся на глинистую почву и стал пристально всматриваться в густеющую с каждой минутой, непроглядную лесную темень, представляя, как скоро сможет передать свой пост Арин и Нисе.

Время текло мучительно медленно, а глаза вязко слипались, будто кто-то нарочно смазал веки липким кленовым сиропом. Голова еле держалась на ослабевшей от усталости шее и моргни юноша сейчас, вероятнее всего он тотчас крепко уснет, так и не дождавшись наступления утра. Чтобы этого не произошло, Бран стал обдумывать, как ему взбодрить свой затуманенный разум и вялое тело. В голову пришла идея обойти всю поляну и осмотреть каждую веточку, колы-

шущуюся от ночного ветра и издающую приводящий в ужас скрежет. Убедившись в том, что все его товарищи безмятежно перекатываются с боку на бок, пребывая в приторно сладком, как софоровый мед, царстве сна, он поднялся и направился к одной из крупных елей, расположенной чуть поодаль от лесной лужайки.

В ночной темноте дерево-гигант походило на огромную, заполняющую собой весомую часть бора деву, раскинувшую руки по обеим сторонам и старающуюся заполучить в свои хищные объятия любого заплутавшего путника. Молодые яйцевидные шишки, словно причудливые сережки, свисали с ее острых веток, а источающие нежный запах эфирных масел ветви, густо усыпанные иголочками, окутывали жирный ствол, создавая некое подобие девичьего кружевного платья. Рядом с елью, клонясь в ту сторону, куда решит подуть проказник-ветер, во все стороны раскинула свои выцветшие крупные листья какая-то дивная трава с болтающимися на ее стеблях налитыми спелым соком алыми ягодами. Бран раньше никогда не встречал подобного растения. Переключившись с обыкновенной, хоть и не менее чарующей своим мрачным видом, хвои, юноша направился к диковинному соцветию, сознательно чарующего путников своей яркостью и вящей загадочностью.

Сочные рубиновые плоды притягивали взгляд даже в такой крошечной темноте. Травянисто-камфорный, дурманящий свежий аромат, исходящий от них, будто крохотное ле-

бединое перо, витал в пропитанном глиной и смолистым кедром воздухе. Ягоды, плотно прижавшиеся друг к дружке на уже слегка пожухлых стеблях травы, напоминали о некоем возрождении, о новой жизни на развалинах пережитого прошлого. Эта метафора пришлась Брану по душе. Он сорвал спелый плод и размял его грязными сухими пальцами. По ладони тонкой струйкой потекла алого цвета жидкость, а под оболочкой обнаружились скрытые глубоко внутри мякоти плотные черные зерна. Брану показалось, что это неизвестное ему растение по своей природе было подобно крыжовнику или гранатной рябине, плоды которых частенько использовали в качестве специй или самостоятельных продуктов в Ардстро. Он вновь сорвал с тонких покосившихся стеблей мягкую на ощупь ягоду. Она манила его своим навязчивым духом, просила надкусить ее, дабы убедиться в том, что на вкус она также изящна и съедобна, как и ее цвет, форма и аромат.

Бран, все еще находящийся под легким действием сна, а оттого напрочь отстраненный от критического мышления, поднес ягоду к слегка раскрытым, бледным от жажды губам. Когда она уже практически коснулась его языка, готового принять своими набухшими от желания рецепторами сочную, питательную мякоть, юноша неожиданно услышал посторонний грубый голос, резко ворвавшийся в его слегка затуманенную реальность.

– Не ешь, иначе умрешь!

Поперхнувшись собственной вязкой слюной, Бран вырвал диковинный плод и с нескрываемым ужасом, искажившим его доселе безмятежное лицо, стал озираться по сторонам в попытках найти источник загадочного звука.

– Кто здесь?

Уже готовый сделать попытку докричаться до товарищей, он внезапно осознал, что зашел в лес глубже, нежели планировал, и ребята остались под сенью толстых, шепчущих свою хищную песнь, схожую с диким псалмом, веток.

Из темноты, сплетенной вокруг опешившего юноши, словно паутина, плывя по воздуху, вышла ужасающая взор, без преувеличения рослая фигура. Человекоподобное существо под семь футов ростом с огромными над вытянутой головой, свитыми в полукруг рогами, с местами плешивой редкой бородкой, подобно той, что носил покровитель скотоводства и плодородия Бог Пан, в последствии ассоциирующийся у праведников с дьяволом и самим греховным сатаной, с жилистым оголенным торсом и раздвоенными крепкими копытами. На шее незнакомца висела длинная металлическая пряжа с болтающимися на ней крохотными черепами неизвестных Брану существ, по-видимому, обитавших в запретном лесу, а с широкого носа свисало воткнутое в него металлическое кольцо, за которое в Ардстро обычно тянут пастись нерадивую скотину. В когтистых, на вид крепких руках существа Бран заметил длинную, платиновую флейту, словно намеренно изготовленную под необычные размеры ее обла-

дателя.

Монстр олицетворял порочную смесь обыкновенного человека с горным бараном или азиатским буйволом. Этот факт ужасал Брана ничуть не меньше того, как именно существо говорило с ним, как чудовищно громогласно голос сатира эхом разлетался по темному лесу.

– Мальчик, эти ядовитые ягоды майского ландыша не предназначены для трапезы. Разве это неизвестно тебе? – подойдя к слегка попятившемуся в сторону Брану, произнесло существо. – Его семя, плоды, корни – все это яд для млекопитающих. Смерть в этом месте может подстергать тебя всюду. Безобидная на вид ягода легко может лишить жизни, а огромное страшное, на первый взгляд, существо, может подарить надежду, – продолжал говорить незнакомец с мудрым и осознанным видом, словно учитель, наставляющий на верный путь своего непутевого ученика.

Бран не мог выдать из себя ни слова, хотелось крикнуть так громко, чтобы все птицы, мирно ночующие в своих уютных гнездах, взлетели ввысь и оповестили его друзей о пришедшей по их души беде. Но природная жажда знаний и то, что он лишил неведомого лесного монстра возможности забрать его жизнь и жизни остальных детей с помощью обыкновенной на вид жидкости и собственной хитрости, не давали страху окутать юношу, беря ситуацию под контроль эдакого ученого, поселившегося в мальчишеском сознании. Сердце его билось так часто, что, казалось, вот-вот выпрыг-

нет из груди.

– Кто ты? – испытующе глядя на странное существо, протараторил Бран.

– Мое имя Одвал. Я странник, блуждающий среди ночного мрака, как и ты, Бран. Разница лишь в том, что ты – дитя человеческого порока, а я – дитя порока других, более темных существ, – растягивая каждое слово, подобно тому, как старые женщины растягивают шерстяные нити, собирая их в тугой клубок, проговорил сатир. – Но, думаю, мы с тобой очень похожи.

Слышать от монстра здравую речь было довольно непривычно. Более того, это создание уверенно заявляло о том, что мальчик подобен ему, а он подобен мальчику. Неужели это действительно было так?

– Откуда ты знаешь мое имя? – трепеща от беспокойства и сомнений, спросил Бран.

Мальчик отошел от незнакомца на пару метров, но по-прежнему пытался разглядеть в его вытянутом лице человеческие черты, то, за что можно было бы считать его безобидным, не диким коварным зверем, а покровительственным духом.

– Лес рассказал мне о тебе и других жертвенных детях. Я знаю все, что знает он. Но не бойся, я на вашей стороне, – сказала существо, загадочно улыбнувшись. – Зачем мне было спасать тебя от неминуемой смерти, которую мог принести яд вероломного растения? Просто я чувствую и понимаю

тебя, Бран, намного глубже, чем твои товарищи по несчастью. Для них ты – обыкновенный сорняк, который можно вырвать в любой момент, не ощутив при этом ни малейшего угрызения совести, а для меня ты – венерина орхидея, редкая, удивительная культура, расцветающая лишь однажды.

Бран не совсем понимал загадочную речь, произнесенную странником, но четко улавливал его настроение. Совсем не агрессивное, скорее, снисходительное по отношению к нему, словно тот представлял неким божеством или ангелом-хранителем, а юноша был всего лишь пророком, греховным человеком, на кого по воле небес снизошла спасительная благодать.

– Что вам нужно от меня, от всех нас?

– Ежели позволишь мне приблизиться, я поведаю обо всем, что тебя гложет. Расскажу, где искать ответы на пожирающие твой разум и душу вопросы.

Бран несколько мгновений размышлял над предложением, а затем, поддавшись острому импульсу заинтересованности, решил идти прямо к монстру, посмотреть в его ярко-желтые глаза, увидеть то, чего никогда не видел до этой роковой встречи.

– Я опущусь, чтобы ты мог смотреть мне в глаза. Так ведь принято у людей?

Существо опустилось на холодную почву и скрутило мощную широкую спину так, чтобы Бран мог чувствовать себя с ним в равных условиях.

– Так-то лучше. По своему происхождению я – сатир, хранитель Салфура – запретного для людей леса, добрый дух, что взыскивает покаяние с повинных и одаривает своей заботой ущемленных, – сказал Одвал, выпустив из широких ноздрей видимую сизую дымку, что было странным, ведь в лесу было не настолько холодно. Но Брана и это не испугало, он искал ответы, а сатир был готов дать их ему.

– Зачем вы следите за нами? – сказал мальчик, приблизившись, подобно Гераклу, совершающему очередной фантастический подвиг, к огромной животной морде.

– За вами? О нет, дитя, я слежу лишь за тобой, – ответил Одвал, указав своим толстым пальцем на Брана. – Твои друзья не ищут ответов. Они просто хотят сбежать. Им не нужна печальная истина бытия, они не готовы ее принять.

– Почему вы решили, что я готов? – отважно парировал Бран, задыхаясь от участившегося сердцебиения.

– Я это чувствую, осязаю. Твоя душа, все твои помыслы направлены на изучение, исследование, анализ выпавшего тебе и твоим соратникам испытания. Разве твой пылкий ум не просит дать ему свежей пищи, как просит заблудший путник куска хлеба и стакана чистой воды? Разве не ты осматривал на поляне бездыханное тело дикого кабана? Разве не ты пытался изучить его внутренности, дотрагиваясь до еще не остывшего сердца?

Бран задумался. Одвал будто бы читал его мысли, рылся в них, подобно тому, как голодная мышь рыщет в зерновом

хранилище. Это пугало и настораживало, но отступить, бежать, разбудить друзей и показать им сатира ему вовсе не хотелось.

– Но зачем тебе помогать кому-то вроде меня? Разве я не чужд лесу?

Сатир почесал редкую бородку, как бы обдумывая слова мальчика, затем заинтересованно произнес:

– Хочешь знать, что произошло в доме ведьмы на отшибе леса?

Бран потупил взгляд. Одвал не хотел отвечать на его вопросы, скорее, желал сам поглубже окунуться в размышления и помыслы юноши, вывернув их наизнанку. Но то, что произошло в ту ночь, все же занимало его мысли и, если был шанс узнать ответы, то почему бы не пойти на поводу у загадочного сатира? Одна часть Брана, более рассудительная и сдержанная, умоляла его покинуть бор, вернуться на лужайку и заплакать от дикого страха, а другая, любопытная и отчаянная, настоятельно шептала, науськивала, побуждала до капли высосать правду из этого существа, показать Одвалу, что тот не имеет ни малейшего права управлять мальчиком, дергать, подобно коварному, двуличному кукловоду, за тонкие нити его души.

– Хочу! – неожиданно резко выпалил Бран, сам не понимая, откуда вновь взялась эта загадочная сила, это желание исследовать все и вся, не боясь при этом за собственную жизнь. Будто это был не он, а другой, более жадный, неустрашимый Бран, который отнюдь не был человеком, скорее, разумным животным, подобно сатиру.

– Что ж, я поведаю тебе об этом, – выдохнул Одвал и посмотрел в бездонно-серые глаза Брана, начав рассказ о том, о чем юноша вовсе не догадывался. – Ава, та самая девушка с зелеными, как свежая трава, волосами и дивным обликом,

которая к рассвету собирает травы, спасает выпавших из высоких гнезд маленьких ласточек и стрижей, кормит орехами белок у своего дома, к ночи перестает быть собой, – задумчиво говорил Одвал, стараясь не отпугнуть мелко дрожащего от неподдельного интереса Брана. – Ава правит лесным днем, Мара правит лесной ночью. Секрет в том, что на твою рыжеволосую подругу напала не Ава, а ее коварная сестра, которая сокрыта глубоко в девичьем теле до наступления призрачных сумерек. Она такой же дух леса, как и я, только вот из-за своей необузданной страсти убивать все живое Мара не может стать истинным хранителем, она способна лишь на душегубство, но не на прощение. Так что, можно сказать, Ава не повинна в этом преступлении. Тело, которое она делит со своей сестрой, искажено, обезображено, благодаря твоему желанию защитить друзей. Теперь добродушная колдунья стала выглядеть равно устрашающе, как и ее иное ночное обличье, к тому же безвозвратно ослепнув.

У Брана прошел колючий холодок по спине. От осознания собственного злодеяния он не мог вымолвить ни слова. Разве мог мальчик догадываться о том, что тот свирепый монстр был Авой, не желающей детям никакого зла? Да и какая теперь разница, когда волшебница, живущая травничеством и сотворением эссенций, вынуждена коротать свои дни в лишенном красок мире?

– Я не знал. Если бы я знал, я бы... – начал оправдываться Бран.

Одвал лишь провел указательным пальцем по собственным широким губам, как бы давая понять, что слова Брана не соответствуют логике его поступков.

– Если бы ты знал, сделал бы то же самое. Вопрос лишь в осознанности собственных действий, – загадочно проговорил сатир, рукой приглашая Брана сесть близ него, на что тот сразу же ответил согласием и уместившись рядом, продолжил с интересом взирать на нового знакомого. – Ты желаешь знать, к чему привели твои деяния, дитя?

Бран молча кивнул, глубоко в душе страхась узнать ответ. Но животный интерес поглощал его, сливался с его кровью и плотью. Иной Бран забрал тело и душу, изо всех сил стараясь развеять страх, царящий в его человеческой кроткой части.

– Как только ты выжег Аве глаза, Мара завладела частью ее естества. С тем, когда зрение покинуло волшебницу, с тем, как ты лишил ее возможности видеть дневной свет, оставив лишь полную черную тьму ослепленных глазниц, Авы не стало. Осталась лишь ночь, в которой царит ее обезумевшая, кровожадная сестра.

Бран опустил голову. Он остро ощущал неверность принятого им решения. После того как юноша нашел в погребке Авы огромное количество чудесных эссенций и узнал, что девушка всерьез поддерживает его ярое увлечение, то вскользь задумался над тем, что однажды, когда буря событий канет в небытие, когда ребята вернутся в Ардстро и разум их очистится от малодушия, он сможет вернуться в дом

Авы и с ее позволения поселиться с ней в той диковинно украшенной лачуге, чтобы изучать травничество, создавать эссенции и познавать научную сторону всех этих занимательных процессов, заставляющих его сознание трепетать, а тело бросаться в гущу событий, не страшась возможной опасности.

– Не грусти, дитя. Ты ведь спас своих товарищей. Должно быть, это было более ценным, нежели потухшая жизнь лесного монстра, – сказал Одвал, опуская громоздкую ладонь Брану на плечо. – Сохранение одной жизни ведет к уходу другой. Таков порядок вещей и с ним, поверь мне, невозможно спорить.

Бран уткнулся в собственные колени, пытаясь почувствовать еще хоть что-то, заплакать или закричать в залитую звездным сиянием ночь. Но дверца, за которой покоились его эмоции и чувства, была словно закрыта кем-то. На ней висел тяжелый железный замок, не позволяющий ему хоть каким-то образом пережить это обуревающее его горе.

– Что еще ты хочешь узнать, дитя? – будто вовсе не замечая тщетных попыток Брана сделать что-либо с собственным безразличием, спросил Одвал.

– В этом лесу есть какой-нибудь источник? Ужасно хочется пить, а мы бессильны найти его.

– Источник? – задумчиво переспросил сатир. – Ах да, припоминаю. Есть, но ближайший к вам находится по ту сторону, – крепкой, морщинистой ладонью он указал направле-

ние, куда детям стоило держать свой путь. – Там есть небольшое, практически незагрязненное болото. Если не хотите умереть от жажды, то вам лучше следовать на юг. Туда, где простирается поляна лесного камыша, слышно кваканье травяных лягушек, квакш, жерлянок и глухой писк древесной саламандры.

– А чего-то почище болота не найдется? – полушепотом переспросил Бран, все же страшась, что его надоедливые вопросы выведут лесного духа из себя.

– Есть. Туманное озеро. Но я не советовал бы вам отправляться туда сейчас. Пока еще не время... – таинственно сказал Одвал, будто бы замыслив что-то нехорошее.

– Пока еще не время? Что вы имеете в виду? – заинтересованно переспросил Бран.

Пытливый ум юноши распознавал в этих загадках некую откровенную издевку, словно он был управляем кем-то другим, более могущественным и всевластным.

– Всему свое время, дитя мое, а покамест тебе следует послушать кое-что, – с этими словами Одвал достал свою длинную, поблескивающую в свете звездного неба флейту и, не дождавшись ответа юноши, начал исполнять дивную мелодию.

Бран услышал мелодию глинистой плодородной лесной почвы, которой так хотели завладеть жители деревни, молодой травы, плодоносных кустарников, еловых ветвей и причудливых яйцевидных шишек. Мелодию леса, животных,

что рождаются, проживают свою жизнь и умирают здесь, становясь черноземом. Мелодию Ардстро и людей, коротающих в деревне отведенные им дни. Мелодию самой жизни. Она разливалась по телу Брана, словно топленое масло по стенкам жестяной кастрюли. Дышала его легкими, отбивала ритм его измученного путешествием сердца. Звуки были необычайно воздушными, чистыми и прозрачными, словно вода в только что вырытом колодце, напоминали пение первых жаворонков. Мелодия порхала над лесом, словно дивная жар-птица.

Эта чудная песнь овладела Браном, его веки стали медленно слипаться, подобно уставшим за день крылышкам бабочки белянки. Поддавшись искушению, он больше не мог держать равновесия и, как мешок, наполненный снедью, свалившись в мокрую сырую траву, крепко уснул, подобно ребенку, засыпающему под самые волшебные сказки, рассказанные родной матерью в предзакатный час.

– Вот же черт! И, по-вашему, я должен был просыпаться из-за этого олуха, решившего прогуляться по полному хищных тварей лесу? Еще и проспал свой же дозор! – возмущался Фиц, раскидывая руки в стороны от собственного негодования. – Он совсем не меняется. Как дрых беспробудно, когда мы искали выход из ведьминого подвала, так безответственно ведет себя и сейчас!

Бран приподнялся на локтях, голова кружилась, а желудок болел от скрутившего его голода. Как он мог проспать свое дежурство? Почему оказался посреди бора, когда должен был оставаться на лужайке?

– Ну уж точно не безответственной тебя! И вообще, твой командирский тон и лидерский настрой уже хуже горькой редьки. Прекращай свои жалкие попытки казаться нужным! – кричала Ниса, переживая из-за внезапной пропажи Брана, ведь она первой спохватилась, осознав его исчезновение и перебудив всех мирно спящих ребят.

– Ниса, прекрати кричать, пожалуйста, у меня очень болит голова, – умоляющим тоном попросил Бран, стараясь сжать голову руками.

– Прекрати кричать?! Да я еще не начинала! – пригнувшись к мальчику, чтобы тот мог явственно разглядеть ее ожесточенный взгляд, в порыве переживаний и злобы воскликнула девочка. – Думаешь, ты чем-то лучше Фицджеральда? Да как ты мог уйти с поляны? Ты хоть понимаешь

своей пустой головой, какой опасности подвергаешь себя каждый раз? А если бы что-то случилось?

Фиц ехидно усмехнулся. Его так забавляло, когда Ниса выходила из себя. Особенно, когда ее праведный гнев был направлен на этого, порядком надоевшего ему юношу.

– И правда, Бран, ты нехорошо поступил. Арин и Ниса испугались и огорчились. Что ты здесь вообще забыл? – скрестив руки на груди, осуждающим тоном произнес Девин.

– Я нашел ягоды и... и... – тут Бран неожиданно вспомнил выросшее, словно дикая трава в очаровательном кусте белых, раскрытых к небу и солнечному свету, ромашек, происшествие, приключившееся с ним в эту замыленную мерцанием еще не позабытых снов ночь.

Сатир, назвавший себя Одвалом, духом леса. Ава и Мара, болото, флейта... Воспоминания всплывали постепенно, как горькие чайные листочки или свежие тополиные почки в глиняной кружке, наполненной обжигающим губы кипятком. Он не понимал, было ли это навязчивым сном или затуманенной правдой, но четко помнил лишь одно: нужно идти на юг, там есть вода.

– Ягоды, точно, – неуверенно сказал чернобровый юноша. – Те алые ягоды уморили меня. Они оказались жутко ядовитыми, я съел-то всего одну и уснул.

Подростки непонимающе глядели на него. Рука Нисы легонько задрожала и на секунду Бран подумал о том, что девочка ударит его по щеке или бросится бить его кулаками за

доставленную им беспричинную тревогу, или от досады, что тот смеет вот так, прямо в лицо, врать ей.

– Ядовитые?! Но ты же помешан на этих своих травах. Как ты мог такое допустить? – спросила белокурая девочка, кинувшись проверять, нет ли у Брана жара или каких-либо признаков серьезного отравления.

Фиц скривил тонкие губы. Ниса уделяла этому никчемному оборванцу столько внимания и заботы, когда рядом с ней такой чудесный парень, держащий голову всегда поднятой и не позволяющий себе ударить в грязь лицом.

– Все в порядке, Ниса. Я чувствую себя хорошо. Только голова немного побаливает, но это совсем неважно, – с улыбкой ответил Бран.

Ее ухаживания приводили юношу в приятное изумление. Подобно Фицу, он не отдавал себе отчета в том, чем заслужил такое по-особенному благосклонное отношение Нисы.

– Мы, правда, очень огорчились, когда не застали тебя на поляне, Бран, – сказала Арин, приподняв свои рыжие брови. Кажется, за эту проведенную в полном спокойствии ночь она еще больше окрепла и расцвела, подобно дивной садовой розе, переродившейся из увядшего бутона в мясистый, слегка кисловатый плод шиповника.

– Простите, что заставил вас волноваться, – склонив голову перед детьми, ответил Бран.

Юноше действительно было очень стыдно за собственное легкомыслие, тем не менее он нисколько не жалел о содеян-

ном. Ведь эта ночь подарила ему кое-что более значительное, нежели он мог себе вообразить. Даже если все это было обманчивой игрой Морфея.

– Я знаю, куда нам следует идти, – выразительно заявил Бран.

Слова юноши вызвали удивление на лицах товарищей, особенно у ворчливого Фица, считающего его напрасным хвастуном.

– На юг, – продолжал Бран, выдержав паузу. – Дорога займет около получаса, но там определенно будет вода.

Витающий в его памяти, подобно лебединому перу, образ Одвала не покидал. Будучи отнюдь не уверенным в собственных словах, юноша чувствовал нутром, что сатир не соврал.

– С чего ты так решительно говоришь о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия? Или это твои всемогущие травы подсказали тебе верную дорогу? – сомкнув бесцветные брови над самой переносицей, насмешливо бросил Фиц, он не мог позволить какому-то лоботрясу перенять занятое им в группе командование.

– Можно и так сказать, – безэмоционально ответил Бран, парируя едкое настроение низкорослого парня. – Я не уверен в том, что вода будет чистой. Скорее всего, мы выйдем к болоту, но выбора у нас нет.

– Хорошо, я – за, – серьезно произнесла Ниса, подняв тонкое запястье над головой.

Девин с Арин поступили таким же образом, встав рядом с Браном.

– Ты серьезно? Хочешь пить из какого-то болота? Ладно, крепыш, он уже и подвальных сырых крыс ел, не думая о возможных последствиях. Арин все равно ничего не смыслит, но ты, Ниса, тоже веришь этому безумному ботанику? – разочарованно спросил Фиц, оценивающе глядя на сестру. – Предлагаю другой план. Идем на север. Мне об этом камышовки нашептали, пока я видел свой десятый сон, – издевательски добавил он, подчеркнув тот, как ему казалось, неоспоримый факт, что Бран не от мира сего, юродивый или того хуже, помешанный.

– Если не хочешь идти с нами, то оставайся здесь. Уговаривать мы тебя не будем, – пригладив топорщащиеся во все стороны, непослушные волны светлых волос, ответила Ниса.

Ребята развернулись, не спеша пошли сквозь густые кедровые ветви, перебрасываясь незначительными фразами. Фиц, недолго думая, побежал вслед за ними, тысячу раз проклиная Брана за то, что тот вообще родился на этот свет.

По прошествии часа, а не половины, как обещал Бран, ребята заметили, как их обступало сгущающееся с каждым шагом кольцо из высоких зеленых с большими длинными головками камышей. Они были поражены тем, какое огромное чудовище представлял собой лес, как много растений, животных и загадочных мест он таил в своем исполинском, практически безразмерном желудке. Затем к болотным растениям, докучающим своим постоянным шуршанием, добавилось мерное кваканье жирных, как набитый рутами кошелек, жаб и свист, цоканье и щебетание лесного конька, отдаленно напоминающего маленького проворного воробья. В воздухе витал дурманящий своей свежестью аромат болотного багульника, торфяной сырости, стоячей воды, скользкой зеленой тины и источающих резкий дух йода водорослей. Цветы мелко росли поодаль болотной трясины, как будто боялись потерять свой чарующий цвет и благоухание, затерявшись в гнилой, травянистой топи.

– Вот мы и на месте, – насмешливо бросил Фиц, стараясь заглушить в себе желание поиздеваться над товарищами, но у него, как всегда, не вышло. – Кто будет пить первым? Может, ты, крепыш? Твой организм уже привык к подобного рода изыскам.

– Раз я привел вас сюда, то первым и попробую, – решительно сказал Бран, ступив на засасывающую ступни глинистую землю.

Зачерпнув в лодочку из ладоней мутно-зеленой воды, запрокинув голову к небу, он сразу же выпил ее. Желудок неприятно заурчал, давая мальчику понять, что это не самый разумный выбор, совершенный им в последние пару дней. Зато горло ликовало, освободившись от сковывающей его чрезмерной сухости.

– Пить можно, – заключил Бран, отступив на пару шагов, будто приглашая детей к противоестественному чаепитию.

Все, кроме Фица, утолили дикую жажду, а тот продолжал гримасничать и кривиться при виде довольных трясинным источником детей.

– Ты разве не собираешься пить? – вытирая налипшую на губы тину, спросила Ниса.

– Перебьюсь, – едко выпалил Фиц, стараясь изобразить на своей физиономии каменное безразличие. На самом-то деле, пить ему очень хотелось и, если бы не его высокомерность, он, подобно товарищам, безропотно лакал бы грязную воду, хоть из глинистой лужи.

– Как знаешь, – пожав плечами, сказал Девин. – Только вот мой отец говаривал, что если человек не будет пить хотя бы два дня, то умрет.

– Много твой отец знает, – фыркнул ему в лицо Фиц. – Хотя бы не отравлюсь черт знает чем.

Путники пресытились болотной жижей и решили ненадолго задержаться и, как следует отдохнув, двинуться в путь.

– Что вы первым делом сделаете, когда мы вернемся в Ардстро? — задумчивым тоном спросила Арин, закусив губу.

– Если мы туда вообще вернемся, – брезгливо бросил Фиц, искоса глядя на товарищей.

Он понимал, почему Арин с ее по-детски наивным характером была так безоговорочно неприятна ему. Она олицетворяла собой его полную противоположность. Более того, он считал девочку не только тошнотворно хорошенькой подругой Нисы, но и абсолютно бестолковой дурехой, способной понравиться лишь такому простаку, как Девин.

– Я бы выпила стакан свежего коровьего молока и съела кусочек хлеба со сливочным маслом, – задумчиво ответила Ниса, в собственных мыслях уже трапезничая за домашним столом различными ароматными блюдами. – Думаю, когда я вернусь, мама закатит большой пир, и тогда я точно наемся вдоволь.

– А я, наверное, первым делом отправился бы к своим младшим братьям и рассказал бы им о том, какой я у них

отважный и сколько интересного мне пришлось пережить на пути к спасению, – широко улыбаясь и показывая все зубы, ответил Девин.

– А ты, Бран? Что такого интересного ты хотел бы сотворить, как только мы вернемся? – мечтательно спросила Ниса, будто все это время только и делала, что дожидалась его ответа.

Бран стал всерьез раздумывать над этим вопросом. Что бы он сделал, когда они придут в Ардстро? Разве ему есть куда идти? Разве там, среди смотрящих на него свысока людей он сможет найти утешение? Юноша явственно почувствовал нечто, будто ускользающее сквозь пальцы. Это было нелепое желание никогда не возвращаться, продолжить бездельно скитаться с товарищами, изучать дивную природу Салфура и ее диких обитателей, узнавать новое, живое, яркое. То, чего не встретить среди серости дней в проклятой всеми богами деревне. Бран не хотел возвращаться в ту сиротскую обитель, что лишила его радости бытия, семьи, друзей и даже самого обыденного – крыши над головой. Но в душе он понимал, что это было совсем неправильно. Ежели ему выпала такая незавидная доля, то он не имеет никакого права лишать своих друзей надежды на возвращение. Тех, у кого было все то, чего не водилось у него.

– Я бы хотел... – начал было выдумывать Бран, но быстрый топот ступающих по сырой земле ног и гул мужских твердых, как сталь, голосов заставил его сразу же замолчать.

Среди густых тенистых лиан, среди шепчущихся между собой камышей и высокой сорной травы внезапно возникли фигуры крупных темно-зеленых ящероподобных существ. С их жирных, широко расставленных плеч свисали омерзительного вида шкуры убитых и выпотрошенных ими волков, лис и шакалов. Болотистого цвета кожа, покрытая крупными бурыми пятнами, образовывала складки на их тучных бугристых телах. Круглые, как бока сочных яблок, животы выпирали над туго скрученными в поясе темно-коричневыми ремнями, а неприкрытая, сморщенная к соскам грудь висела над ними, образуя некое подобие оплывших капель живицы на крепком хвойном стволе. Носы их были подобны проросшим покатым картофелинам, а глаза настолько впали в глазницы, что их едва можно было разглядеть под походившими на жирных репейниц складками шершавых глазных мешков. В когтистых, забористых лапах они держали мощные костяные дубинки и угрожающе взмахивали ими перед лицами опешивших от страха детей. Монстров было трое, но один из них выгодно выделялся на фоне остальных. На его потной шее висела шкура отнюдь не волка, а гигантского бурого медведя с раскрытой клыкастой пастью.

Ниса начала истошно кричать, схватившись за голову. Девин подобрал с земли крупный камень и так сильно сжал его в своих сильных руках, что костяшки на них побелели. Фиц стал на корточки, пытаясь заслонить свое приземистое тело одним из жирных камышовых стеблей, а Арин тотчас поте-

рля сознание, ничком упав на зыбучий песок.

– Вы, за нами пошли! Сейчас! – выкрикнула крупная ящерица, пригрозив путникам своим массивным оружием. – Убежать – смерть, понятно?! Рыжую, Краг, взять на руки! – продолжал командовать монстр, указывая остальным взять Арин и запрокинуть на спину. – Связать!

Всем, кроме оставшейся без чувств девочки, огромные ящеры связали толстыми лианами руки за спиной и приказали молча идти за ними

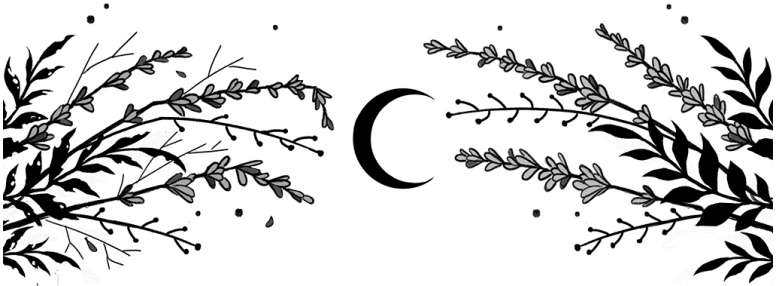
– Вы посягнули на владения Конунга Морлея. За это вас ожидает его кара.

Ниса изо всех сил кричала, дергалась и изводила похитителей, но они оказались много сильнее. Легким движением лап двое обхватили девочку с обеих сторон и заткнули ей рот скользкой тиной, от которой ей, казалось, тут же захотелось опустошить содержимое своего и без того пустого желудка.

– Если кто-то еще станет дергаться и брыкаться, то мы вас убивать на месте, – на корявом, практически нечеловеческом языке проговорила рептилия, которая, по-видимому, являлась неким начальником в их безумной стае.

Услышав угрозу, подростки сомкнули рты, прекратив всякие попытки обороняться и звать на помощь. Опустив тяжелые головы, все зашагали вслед за болотными тварями.

Глава 8

Гибкие длинные лианы спускались все ниже, доставая до самых местами зыбучей земли и разрастаясь все пышнее и гуще, прятали в своих темно-зеленых сетях яркое октябрьское солнце. Казалось, это был уже не лес, а чье-то чудовищное, окутанное постоянным мраком логово. Путники вошли в магический портал и каким-то чудом переместились в ту реальность, в которой не существовало ни нарядных елей с причудливыми шишками на когтистых ветвях, ни певчих пестрых соловьев, ни манящих своей дикой красотой ягодных кустарников. Все живое, что пугало их в чаще леса, исчезло, изменило свое привычное обличье, превратившись в одно сплошное непроходимое болото. Ящерицы вели их дальше, подобно отжившей свой век дряхлой скотине, кото-

рой пора бы отправиться на обеденный стол к фермеру, став сухим, прогорклым куском старого мяса на его скудном пиршестве.

Нос Брана отчетливо улавливал малейшие признаки того леса, что затерялся в трухлявом, грибном и резко рыбном аромате зеленого, жирного ягеля, наполненного вязкой болотной влагой. Того леса, чьи покатые глинистые пригорки и свежий мятный дух кедровых острых иголок никак не сочетались со зловонием, царящим в этой странной местности, в этом гнилостном болотном краю.

– Краг, подойди-ка сюда, – приказным тоном повелел старший ящер, жестом руки приглашая своего однородца приблизиться к нему. – Что скажем Конунгу Морлею?

Младшее ящероподобное существо немного сощурилось, осматривая пленников раскосыми впалыми в глазницы глазами.

– Маленькие человеки. Ужасно уродливые, но довольно языкастые. Думаю, Конунг будет рад узнать, что мы привели к нему подвешенные языки, – заключил монстр и хлопнул Брана по плечу, давая понять, чтобы тот двигался быстрее.

– Верно-верно, – острая улыбка исказила нечеловеческий рот огромного ящера и он, запрокинув мощную дубинку на плечо, гордо зашагал впереди общей колонны. – Клетка или сразу придать их суду Морлея? – зашипело оно себе под нос, занимая свои мысли абсолютно риторическим вопросом, так как существо знало, что должно делать с пленниками.

Ребята шли, изредка оборачиваясь назад в удаляющийся вольный лесной край. И чем дальше оказывались знакомые просторы, тем более обреченными и несчастными они себя чувствовали, в груди замирали уставшие от злоклучений сердца. Загадочного вида деревья со скрученными кверху, подобно козьим рогам, ветвями и свисающими с них чахлыми вьюнками закрывали собой безоблачный небосвод. Непроглядная тьма и молочного цвета туман сгущались над ними так, что едва можно было отличить мокрые склизкие топи, засасывающие все, что попадет в их вязкие лапы, от глинистой почвы, на которую можно было ступать без опасений. К вящему удивлению детей, над жирными черными кувшинками и кустистым камышом низко летали крохотные янтарные светлячки, освещая своими круглыми бочками затуманенное пространство безразмерной топи. Они были частью этого странного мира, этого странного места с его еще более странными жителями.

Бран охнул, когда заметил в этом болотистом ужасе среди темно-зеленых, мохнатых островков оленьего мха проявляющиеся призрачные силуэты деревянных полусгнивших лачуг. С кривыми овальными окошками, с раскрытыми настезь бурыми створками, длинными созревшими лестницами, утопающими в склизкой, непроходимой тине, и с излишне ярким для этой, словно бы окутанной жирной сметаной, атмосферы, желтым светом, исходящим из помещений. Юноша заметил, как слегка колышущиеся тени таинствен-

ных существ проходят мимо, озираются, таращатся на опустивших головы путников.

Крупная, с широко расставленными шаровидными глазами жаба, трусливо прячась за бурого цвета занавесками, высунула голову в оконный проем. Очевидно, она старалась получше рассмотреть диковинных человечков, ведомых болотной стражей в обитель Конунга Морлея. Постепенно остальные жители этого трясинного городка, последовав ее примеру, начали выходить на крылечки и оглядывать ребят своими алыми, слегка выпученными глазами с узкими черными зрачками. Выглядели они по-настоящему уродливо: ростом чуть выше Брана, с огромными, словно набухшими, головами, толстыми скользкими губами и длинными тоненькими конечностями. Болотные твари прижимали перепончатые лапы к прорезям огромных ртов, охая от нескрываемого удивления и пряча своих малых детей за бугристыми спинами.

– Какие отвратительные уродцы! – крикнула одна из старых, морщинистых жаб на чужом для путников языке и тут же кинула в их сторону горсть мокрой от сырости гальки. – Убирайтесь отсюда! Конунг Морлей хоть и добр, но не глуп! Он обязательно покарает вас, помяните мое слово!

Остальные жители этого, без преувеличения, гнилостного городка в поддержку слов старой жабы стали улюлюкать, горлопанить и подбрасывать на трясинную тропу тухлые овощи, крохотные яйца болотных птиц и глинистый песок.

– Убирайтесь, ублюдки! Прочь из Топи, монстры! Катитесь вон, выродки! – слышалось отовсюду.

Трясина, до этого казавшаяся абсолютно пустынной и безжизненной, неожиданно превратилась в огромный зловонный городок, населенный совсем недружелюбными тварями.

– Эй, тихо! Конунг Морлей станет решать! По домам, чернь! – стал выкрикивать безобразный главарь банды ящеров, потрясая своей дубиной.

К сожалению, его увещевания никак не подействовали на бушующую толпу. Казалось, жители этого места только убедились в собственной решимости покарать безвинных подростков.

– Смерть монстрам! Смерть монстрам! – кричали они на непонятном для путников языке, а совсем еще юные лягушата и походившие на жабоподобных детей вторили выкрикам родителей. – Смерть монстрам!

– Что они говорят? – подал голос Девин, стараясь говорить как можно тише.

– Кое-что нехорошее, – шепнул в ответ Бран.

К своему превеликому огорчению, юноша понимал эту странную речь и совсем не хотел переводить другу их страшные выкрики.

– Это-то я как раз понимаю по выражениям их лиц, вернее, морд, – ответил Девин, косясь на выходящих из своих покосившихся лачуг болотных существ. – А значение самих слов разве возможно разобрать? Какое-то нечеловече-

ское бормотание. Может, у них свой выдуманный язык?

Бран тяжело выдохнул. Казалось, что эта разноголосая буря, повторяющая одну и ту же фразу, как заученную наизусть молитву, никогда не утихнет.

– Они говорят «смерть монстрам». И да, это не выдуманный язык, а обыкновенная латынь. Только не спрашивай меня, почему они изъясняются именно на ней, этого я точно не могу знать.

Девин посмотрел на товарища так, словно видел его впервые.

– Латынь? Никогда о такой не слышал. А ты сам-то откуда ее знаешь?

– Все травнические фолианты на ней написаны. К тому же... – хотел было продолжить Бран, но один из крепких стражей, кажется, Краг, отвесил ему звонкую затрещину.

– Болтать не смей! Только молчать и идти. Ясно? – грубо выкрикнул он, взяв Брана под локоть и оттащив от опешившего Девина. – Ты станешь говорить с нашим Конунгом. Язык у тебя подвешен.

Бран в недоумении посмотрел на огромного ящера. Уж если он самый болтливый из их группы, то, должно быть, Фиц в понимании этих болотных существ совершенно нем. К тому же, о чем он станет говорить с повелителем скользких амфибий и злобных рептилий? О самых жирных грызунах и насекомых, обитающих в этой местности?

Густой туман улегся по окраинам широкой Топи, откры-

вая взору путников роскошно украшенные палаты из самого что ни на есть тонкого красного шелка с позолоченной тесьмой, серебристыми колышками, вбитыми в жирную глинистую почву и тонкой дубовой лесенкой, ведущей прямо к откидным алым занавесям этого царского шатра, уж никак не вписывающегося в общую темно-зеленую картину странного городка.

– Пришли, – коротко бросил главный страж и легким движением когтистой лапы поднял тонкую ткань. – Худосочный уродец, вперед. Остальные – в клетку, – выкрикнул он, подталкивая Брана к входу.

Юноша так и остался стоять как вкопанный рядом с шатром, не решаясь войти в него. Остальных ребят крупные ящеры взяли под руки и повели дальше.

– Я сказал – вперед! – нетерпеливо выкрикнул главный, легонько пнув Брана дубиной в спину, отчего тот буквально ввалился в покои здешнего правителя.

– Здравствуйте, сэр. Мы привели к вам заблудившихся в Топи людей, – протяжно сказал ящер на латыни, покамест юноша неспешно поднимался с холодного пола в шелковом шатре. – Этот мальчишка выглядит подобно предыдущему сказителю. Возможно, он сможет стать усладой для ваших ушей.

– Интересно. Назови мне его имя, – снисходительно произнес старческий голос.

Бран в мыслях уже был готов к тому, что придется ис-

полнять своеобразные прихоти какой-нибудь пожилой жабы, походившей на ту старуху, что еще недавно желала ему и остальным ребятам смерти. Подняв тяжелую голову, юноша был весьма удивлен тому, что в действительности предстало его взору. Важный седобородый старец, которого здешние именовали не иначе как Конунг Морлей, восседал на позолоченном широком троне с алой бархатной обивкой, держа в руке маленькую янтарную жабу. Его глаза были абсолютно белыми, как свежесвыпавший снег, от самых склер до слезных каналов, исключением оставались лишь тонкие багровые вены, прорезающие его глаза, подобно косым молниям.

Бран был изумлен тем, какой удивительно чистый интерес представлял для него один лишь вид этого таинственного человека.

– Говори имя, которое носишь, уродец, – толкнув рукой Брана, сказал страж уже на привычном юноше языке, на котором говорили в его родном Ардстро. – Люди такие глупые, – добавил он, с неприязнью посмотрев на растерявшегося юношу.

– Мое имя Бран. Бран Каллаган, – ответил мальчик на латыни, глядя в бездонные глазницы ни на шутку удивленного Морлея.

– Откуда тебе известна латынь?! – возмутился ящер, продолжая сверлить Брана испепеляющим взглядом, будто юноша покусился на то, что никак не могло ему принадлежать.

– Все же, с вашего позволения, я хотел бы говорить на

привычном для меня языке, – не обращая внимания на шокированного стражника, продолжил Бран. – Скажите, вы можете отпустить нас? Мы не желаем зла жителям Топи, мы хотели бы вернуться к себе домой, – сказал Бран, стараясь быть как можно деликатней, ведь такой резкий выпад с его стороны мог быть воспринят неадекватно.

– Исключено, – загадочно улыбнувшись, сказал Морлей, продолжая поглаживать свою янтарную жабу по холке, отчего та издавала звучное кваканье. – Отныне ты и твои товарищи будут жить здесь.

К искреннему удивлению Брана, старец говорил на абсолютно понятном ему чистом языке, в отличие от его преданных слуг.

– Но зачем мы вам? – непонимающе произнес Бран. Кажалось, он вовсе не боится быть казненным, более того, судя по сужившимся зрачкам ящера, он просто-напросто испрашивал для себя кары.

– Как смеешь ты, уродец, говорить так с Конунгом Морлеем?! – выкрикнул страж, желая поскорее расправиться с неугодным юнцом.

– Замолчи, Сар, а лучше и вовсе уберись вон из моих покоев, – продолжая поглаживать ручного зверька, сказал Морлей.

Крупный ящер, не задерживаясь ни на секунду, вышел из шатра, затаив дикую обиду на недостойного человечешку, что посмел так нагло обратиться к Морлею и вынудить того

выставить самого преданного из всех стражников за дверь.

– Бран, – вновь обратился к юноше старец, – сочини для меня какую-нибудь небылицу, сказку по-вашему, – протяжно произнес он, как будто это было совершенно обыденной просьбой.

– Но я совсем далек от писательского искусства. Как говорят, двух слов связать не могу. К тому же, зачем вам это? – про себя премного удивившись, ответил Бран.

Старик, словно не замечая того, что говорит его собеседник, подвинул к себе поближе позолоченный поднос с дивными спелыми фруктами и, подняв крупную гроздь винограда, погрузил ее себе в рот. Затем проглотил ягоды и, смачно причмокнув губами, продолжил:

– От того, как хорошо ты справишься с моим заданием, зависит твоя жизнь и жизни твоих друзей. Тебе придется приходить в мой шатер с каждым закатом в течение пяти суток и стать усладой для моих ушей. Если откажешься, казню всех твоих товарищей сразу же на загляденье гражданам Топи. Если оплошаешь и не придешь хоть в один из пяти вечеров, буду убивать по одному человеку за каждый пропущенный визит, – хитро улыбнувшись, ответил старец. – Забыл упомянуть вот о чем: сказание должно быть лирическим. Хоть по мне и сложно сказать, но я большой любитель трогательных историй, в которых к тому же есть хоть крупинка правды, – закончив с болтовней, он стал набирать в ладонь различную снедь, затем, протянув угощение Брану, сказал: –

Договорились?

Бран сглотнул. Хотя Морлей на вид и не казался таким уж пугающим, все же оставался для него жадным и своенравным существом. Это ни на шутку пугало юношу и одновременно влекло своей по-особенному дивной неестественностью.

– Что станет по истечении пяти суток? – спросил юноша, не чураясь тех ягод, что протянул ему старец, и закладывая их сразу за обе щеки.

– Если ты будешь прилежно приходить ко мне, твои друзья будут накормлены свежими фруктами и напоены отборным густым, как кровь, ягодным вином. Через пять дней я отпущу вас на волю, – безропотно сказал старец, давая Брану пищу для размышлений.

Юноша был шокирован открытостью Морлея и тем, как легко ему и ребятам достанется желанная ими воля. Но что-то все же заботило его, заставляло сомневаться в истинности слов старика.

– По рукам, – старательно разжевывая сочную мякоть яблока, ответил Бран. – Вы ведь сдержите свое слово?

– Безусловно, – тихонько шепнул Морлей, кажется, вполне довольный собственной сделкой.

Поговорив с Браном о том, как дети оказались в Топи и где они были до этого момента, старик подозвал своего послушного стражника в просторный шатер и, отдав ему все необходимые распоряжения, поудобнее улегся в широком кресле.

Перед ним прислуга поставила подносы с жирными кусками мяса, сочными краснобокими помидорами, горячей, запеченной на углях картошкой и прочими блюдами.

– Начинай сегодня же. Подогрей мое любопытство, мне не терпится погрузиться в красочный, чарующий мир лирических героев, а ждать с этим до завтра очень уж утомительно.

– Если начну сегодня же, то дней останется всего четыре? – откусывая кусочек вяленой говядины, заискивающе спросил Бран.

– А ты хитрец, юноша, но и я не лыком шит, – улыбнувшись, сказал Морлей. – Если ты хочешь сегодня оставить своих товарищей голодными после того, как сам набил бока, то я спорить, конечно, не стану, – он лукаво взглянул на Брана.

– Что ж, вы действительно не простак, – кивнув, заметил Бран, у которого после этих слов и кусок в горло не лез. – Ну, сегодня так сегодня. Только прошу вас, принесите им еды. Несколько дней, проведенных в пути, мы ничего не ели.

– Я уже отдал Сару приказ об этом. Ловко я, верно? – произнес старик, хватаясь от громкого утробного смеха за толстый, висящий над плотно стянутым кожаным ремешком живот.

– И не поспоришь... – полушепотом ответил Бран, понимая, что его попросту сейчас надули. – Тогда я тоже позволю себе немного попировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.